

Полина Ивановна КУЗНЕЦОВА

родилась в Магнитогорске. Детские годы провела в городе Абдулино. С 2000 года живет в Оренбурге. Окончила факультет журналистики Оренбургского государственного университета. Три года проработала в областной газете «Южный Урал», сейчас трудится в газете «Оренбуржье». Увлекается фотосъемкой. Публиковалась в периодике и в альманахе «Башня». Участница межрегиональных совещаний молодых писателей «Мы выросли в России!» (2007, 2008, Оренбург) и Всероссийского семинара-совещания молодых писателей (2009, Сургут). В 2009 году выпустила сборник рассказов «Волчьи сны».

Полина КУЗНЕЦОВА

Полина Кузаева

ЮМ
Рассказы

Полина Кузаева

ЮМ
Рассказы

Оренбург 2016

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4
К 89

Эта книга издана при поддержке
правления Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4
К 89

Полина Кузаева. Книга. Рассказы. – Оренбург:
Издательский центр МВГ, 2016. – 124 с.

© Полина Кузаева, рассказы, 2016 г.
© Издательский центр МВГ, 2016 г.

Рассказы о Джо

И бегемоты умеют делать реверансы

– Я буду там, – сказал Джо и закурил трубку. Пятую за одно только утро.

– Джо, ты сдохнешь не иначе, как в следующем месяце, если будешь и впредь так дымить, – заявила Маргарет.

– Поспорим? – скосив смеющийся кругляшок глаза, Джо выдохнул из себя настоящий парусник. – Смотри, какой ладный. Пригодится в хозяйстве.

– Может и пригодится, Джо. Только ведь в нашем городе и реки нету, – молочно-белые зубы Маргарет блеснули из-под красных обветренных губ.

Слишком уж они, зубы, выдаются вперед, который раз отметил про себя Джо и задумался о другой жене. Мысли о Розе или, скажем, Адели частенько посещали его. Пусть даже будет Виолой, тоже неплохое ведь имя! Главное, чтобы говорила поменьше.

– Дорогая, раньше и парусника не было.

– Твоя правда, Джо. Только не выдувай реку. Она слишком большая!

Произнеся это, Маргарет присела в шуточном реверансе, рискуя больше никогда не вернуться в нормальное положение. Так и бегемот может сделать книксен, только после этого вряд ли останется бегемотом, по крайней мере целым.

Задумавшись, Джо выдохнул и бегемота. Совсем чуть-чуть не хватило дыхания, и бегемот остался без хвоста. Правда, Джо не было известно, имеют ли эти животные хвост вообще. «Сойдемся на том, что это именно тот бегемот, который неизвестно кому кланялся», – мысленно решил Джо.

– Ой, Джо! Кто это? – вскрикнула Маргарет. – Неужели бегемот? А почему он в моем передничке?..

Вопрос смутил Джо, даже испугал. Право, обижать свою старую Маргарет он не хотел вовсе. А тут такое сходство... и передничек

этот. Отложив трубку, Джо с кряхтением встал (все-таки нужно меньше курить) и, подойдя к жене, обнял ее за плечи.

– Это... наша новая горничная! Да-да, вот сейчас она отправится варить кофе. Я тут решил, что не дело тебе так много времени проводить за плитой.

– Джо... ты неповторим!

Маргарет с таким чувством обняла Джо, что тот зашелся в приступе кашля. Воздуха перестало хватать, и он бы вообще упал, если бы не могучие объятия любящей жены.

– Тебе плохо? Да?.. Ох, Джо, я же просила тебя меньше курить, – голосила Маргарет, ударяя мужа по спине. И если не выколотила из него дух, то только благодаря воле Всевышнего, в которого Джо раньше не верил. Но как-то, замечтавшись, на десятой или одиннадцатой трубке выдохнул Бога и даже разговорился с ним так, что они навсегда остались друзьями.

– Всё-о хорошо. Ты оставь меня одного, Маргарет, – с трудом совладав с собой, сказал Джо.

Слова давались бедолаге с трудом, каждое ценило себя настолько, что требовало для произнесения большое количество времени.

– Проверь, как там справляется с делом наша новая горничная, – отдышавшись, промолвил

он, добрался до кресла и замер, стараясь не шуметь, чтобы кашель не услышал и не пришел за ним снова.

Маргарет ушла, кашель тоже не давал о себе знать, только щекотал своей поступью глотку. Видимо, уже уходил куда-то внутрь груди, где и жил, каждую ночь вырывая для ночлега по новой норе. «Сегодня больше не придет», – понял Джо и, расслабившись, потянулся было за трубкой, да так и заснул.

Разбудило его какое-то сопение. Не желая просыпаться (еще бы, ведь снилась Индия!), Джо осторожно приоткрыл левый глаз, решив, что если ничего серьезного не происходит, то он спокойно заснет дальше. Но не тут-то было. Рядом с его креслом-качалкой стояла девочка в замусоленном платице и с котенком в руках. Вы смогли бы спать, зная, что рядом с вами ребенок? Если да, то Джо бы вам позавидовал.

«Интересно, что ей нужно?» – подумал Джо. Дети давно не приходили к нему, тем более с котятками на руках.

– Гкх-м, – прочистил он горло. – Что ты здесь делаешь, девочка?

– Меня зовут Мари. А это Снеки, – пропищала девочка, представив зачем-то Джо и своего зверька.

– Что ж, Мари, я очень рад, что тебя зовут именно так, а не иначе. Но все-таки, как ты тут очутилась? – все еще боясь говорить слишком быстро, протянул Джо.

– У вас было не заперто. А я... Я слышала, что вы можете сделать всё.

Глаза у нее были до того большие, что, казалось, на лице кроме них ничего не было. «Славный мышонок», – улыбнулся про себя Джо, набил табаком трубку и, выразительно приподняв брови, показал, что внимательно ее слушает.

– Понимаете, мне очень хочется, очень надо... – не договорив, Мари заплакала, и Джо, боявшийся плачущих детей, поспешил закончить фразу за нее:

– Игрушку?.. Шоколадных конфет или, может, новое платье? – спросил он и тут же, затаившись, выдохнул чудесную куклу с длинными волосами и в таком оборчатом платье, что аж дух захватывало. Довольный, Джо перевел взгляд с куклы на девочку и увидел, что Мари продолжает плакать. Целый поднос с шоколадом и марципановыми сладостями тоже не удостоился даже взгляда девочки, а платье... Платье вызвало еще больший взрыв слез.

– М-мне не нужно всего этого, – прорыдала она, залив слезами несчастного котенка, и по-

дойдя совсем близко, дернула своими мокрыми пальчиками Джо за рукав.

Джо озадачился. Когда дитя рыдает, отказывается от игрушек, вкусокостей и красивых вещей и что-то при этом от тебя хочет, верное время испугаться и печально-сдержанным голосом сообщить, что ребенку пора идти домой, ведь его уже наверняка ищут родители. А что, если?.. Если ее родители умерли, и Мари пришла, чтобы он, Джо, их вернул?.. Это же невозможно!.. Джо чуть не заплакал, поняв, что не сможет утешить девочку. В глазах уже защемило, все-таки нужно меньше курить, от табака становишься слишком уж сентиментальным. Или, может, от избытка прожитых лет? «Да-да, конечно, я же стар, как дырявый сапог, и курить мне можно столько, сколько хочется!» – утешил себя Джо.

– Мари, – начал было он, предварительно отведя взгляд от лица девочки, поскольку не умел плавать, а утонуть в зареванных детских глазах легче, чем выкурить трубку. – Я, кажется, знаю, чего ты от меня хочешь. Понимаешь, можно создать то, чего никогда не было. Оно вроде похоже на то, что ты когда-либо видела, но совсем другое! Вот ты хоть раз видела двух одинаковых кукол? – спросил Джо, ткнув пальцем в сторону

куклы, что печально приютилась в углу комнаты. – Я уверен, что нет! Улыбкой или выражением глаз они отличались бы друг от друга! И я тебе признаюсь, девочка, что не смогу сейчас вынуть точно такую же куклу! Да-да, это не в моих силах, а уж чтобы...

– Значит, вы не сможете его взять, да?.. – перебила Джо девочка и, что казалось уже невозможным, заплакала еще сильнее, не переставая при этом давиться словами.

– Никто-никто... ик... в городе не согласился взять его к себе в дом. На улице он умрет, а у-у-у-у-у у нас дома уже есть кошка, и я не могу-у-у-у оставить его себе.

– Взять? Кого взять? – Джо даже привстал с кресла и удивленно закрутил головой.

– Снеки такой трогательный. И очень у-у-умный, – не останавливалась Мари, заметив, что ее слушают и вовсе не гонят прочь.

Джо потихоньку начал понимать, что происходит, и когда Мари дошла до того, что Снеки, как только вырастет, станет ловить мышей и вообще с ним так замечательно спать, не выдержал и расхохотался. Последняя фраза девочки добила его окончательно:

– А если у вас уже есть котенок, может, вы знаете тех, кому он нужен?

Уже икая, Джо ответил вопросом на вопрос:
– А куклу, стало быть, совсем не хочешь?..
Нет, ты посмотри, какая красивая! Настоящая принцесса. А своего Стики... Ну прости, милая, Снеки, давай сюда. Давно мечтал, знаешь ли, о котенке, – вновь поперхнулся смехом Джо. – Можно сказать, что это подарок. А мне так давно ничего не дарили, Мари! А уж чтобы пришли и ничего для себя не попросили...

Еще долго потом смеялся Джо, глядя котенка и вспоминая, как девочка уходила от него, прижимая к себе куклу и платье вместе со сладостями.

– Приходи еще! – сказал он ей напоследок, прежде чем выкурить для котенка блюдце молока и снова заснуть, чтобы увидеть Индию.

– И все-таки я буду там, – прошептал Джо, проваливаясь в сон под мурчание котенка, пристроившегося у него на груди.

Когда в комнату вошла Маргарет, неся поднос с кофе, Джо уже ехал верхом на огромном белом слоне, охотясь на тигра, чтобы поймать его и заставить выпить горячего молока.

Маргарет, стараясь не шуметь, медленно попятилась к выходу, но наткнувшись на парусник, уронила поднос. Замерев на одной ноге и не сводя глаз со спящего, она через некоторое

время вновь начала пробираться к двери. Даже дыхание задержала, чтобы уж окончательно не разбудить Джо.

– Эх, а ведь рядом могла быть Джейн! Такая тоненькая и бесшумная! Или Молли. Но куда мы без Маргарет?.. – похлопав слона по боку, сказал Джо и закурил трубку.

Про картошку и дядюшку Эйнара

Джо поднял глаза к потолку и обомлел. Зубы разжались, и трубка, отправившись в свободный полет, больно ударила по колену.

– Чё-о... – вырвалось у Джо. Он хотел чертыхнуться, но сдержался. В самом углу, зацепившись хвостом за карниз, сидел именно тот, кого Джо только что чуть не окликнул по имени. Маленький такой, с трогательными рожками.

– Можно я у вас поживу? – грустно-грустно скособочив глаза, спросил он у Джо. – Я недолго. Честное слово! Вы не почувствуете моего присутствия, у меня и вещей почти нет.

Джо молчал, моргал и снова молчал. За это время черт успел не только полностью очистить чемодан и забить своими вещами всю комнату, но и, достав свою трубочку, усесться напротив.

– Это хамство, – только и сказал Джо. – Я ведь не давал разрешения.

– Но вы же промолчали не меньше трех раз, а значит, трижды разрешили мне здесь остаться, – виновато улыбнулся черт.

Джо опять погрузился в молчание. Что сказать Маргарет?.. Набожной Маргарет, каждое воскресенье ходившей в церковь? Снова закусив трубку, он затянулся и до того задумался, что, когда черт закашлялся, опять разжал зубы от неожиданности и трубка полетела на пол.

– Черт возьми! – не выдержал он и сейчас же пожалел об этом. Потому что черт тут же взметнулся с кресла и, подняв его любимую трубку, потер ее о живот да и засунул в карман.

– Простите, не отдам! Бейте ногами, протыкайте насквозь вилками, но не отдам. Не положено! – вскричал черт. – Сами должны понимать! Да и вредно вам дымить... в вашем-то возрасте!

Когда у Джо вдруг заканчивался табак или ломалась трубка, с него слетала всякая задумчивость и неторопливость. В такие моменты просыпалась в нем удивительная ясность. Вот и сейчас он наконец-то понял, что напротив сидит черт, набивающийся в квартиранты, и с этим надо что-то немедленно делать.

– Чего тебе надо, а? – спросил он наконец. – До обеда всего час, потому говори быстрее и проваливай. Мне кошки в доме хватает. Чертям, уж извини, места нет.

– Я и не сомневался, что вы будете против, – вздохнул черт. – Ладно, пойду... Только кто меня приютит? Вчера просился на несколько дней к местному священнику на постой, так он меня с матом выгнал! До сих пор обидно становится, как вспомню, какими словами он ругал меня.

– Священник матом? Врешь... – переспросил Джо довольно вяло. Хотелось затануться, а для этого надо было встать и достать из стола запасную трубку.

– Не, я никогда не вру. Он, кажется, до сих пор молитвы читает. А для нас, чертей, хуже брани нет.

Джо вздохнул про себя с сожалением. Не знал он наизусть ни одной молитвы. Спасти положение могла бы Маргарет, у которой от зубов только и отскакивали многочисленные «сохрани», но ведь та в обморок грохнется, увидев гостя, и вся эта чертовщина раем покажется по сравнению с землетрясением, которое немедленно случится.

– Ну я ухожу, да?.. – уже перевесив ногу через окно, спросил черт, вытирая замусоленным рукавом нос.

– Подожди, – буркнул Джо. – Скажи честно, ты явился сюда, чтобы спереть мою трубку?

– Как вы могли подумать! – всплеснул руками черт. – Сами же попросили взять ее! А она мне, думаете, нужна? Даром не надо! Вы вот гляньте сюда, – с этими словами черт вновь заскочил в комнату и начал лихорадочно вытрясать карманы. словно без дна, они с грохотом выплевывали на ковер ключи, очки, какие-то сковородки.

– Хватит, – взмолился Джо, когда из левого кармана вдруг выпрыгнула кошка. Невозмутимо мяукнув, словно ее не из кармана вытряхнули, а согнали с кровати, она уселась в центре комнаты и, задрвав хвост, тут же облегчилась.

– Это же еще не всё... – страдальчески протянул черт. – Вы вот уже изнемогли. А мне жить с этим приходится. А вы «трубка, трубка»...

Черт дунул, и все его хозяйство разлетелось по карманам.

– Зачем же ты все это с собой таскаешь? – осведомился Джо. – Выкинул бы весь хлам и жил себе преспокойно.

– Не положено! – посуровел черт. – Так ведь порядка никакого не будет. Работа у меня такая.

– Дурная работа. Что куришь-то? – вдруг разублававшись, спросил Джо. И черт, обнадежен-

ный его подобревшим видом, весело засеменял словами:

– Перец, семя горчицы, солодку. Травы богородской щепотку добавляю, чтобы проридало.

Прищурившись, Джо наблюдал за чертом. Он уже понял, как вернуть свою трубку, и ничуть не сердился. За черта ему было даже немного обидно.

– Как без дома-то остался?

– Ох-х, долгая история, – вздохнул черт и снова утер рукавом нос. – Как потомственный черт, прописан я в аду, – начал он. – Что? Спрашиваете, есть разве не потомственные черти? Да их большинство! Вот прожил жизнь человек. Бога вопросами донимал годы напролет, на всех жаловался, так вы думаете, куда его определяют после смерти? Конечно в черти! Ну вроде как на перевоспитание, чтобы не жаловался. Работа же адская, – всхлипнул он и принялся канючить вновь: – Жил себе я в геенне огненной припеваючи, как сам теперь понимаю. Так набегаешься за день, насмотришься на людей, вернешься домой под ночь и, отогреваясь, потягиваешь свою трубочку. И как-то существование собственное не таким уж бессмысленным кажется. Лишился всего этого я в одночасье! Скажу по секрету, что в аду дефицит

с местами. Местные, конечно, ругают ад на чем свет стоит, но за прописку дрожат.

– За что лишился-то? – не вытерпел Джо. – Обед же скоро, рассказывай скорее, – поторопил он черта.

– Да по глупости... Вы, люди, часто черты-хаетесь безнаказанно потому, что рядом нашего брата не оказывается. Мы ведь не резиновые, всюду не успеваем.

– Ладно уж, не оправдывайся. Халтурите, черти! – добродушно скаламбурил Джо.

– Если и так, то ваше в том счастье, – беззлбно огрызнулся черт и закончил-таки рассказ о своих бедах: – Дело было под вечер. Устал я тогда, еле ноги волочил, хвостом обо все камни запинался. Снег еще, помню, шел. Тяжелый такой, рыхлый. Ну я и решил передохнуть. Взобрался на крышу какой-то лачуги. Сижу – отхожу, в окно одним глазом поглядываю. А там чистенько очень. Голодом так и потягивает от этой чистоты. В одной комнате детишки с собакой играют, а в другой уставшая женщина с таким, знаете, огрубевшим от тоски лицом сидит на лавке и в руках картофелину держит. Я не большого ума черт, что уж и говорить, но даже я понял, что больше здесь ничего нет на ужин. И вот сидит эта не-

счастливая и все смотрит на картошку, словно взглядом размножить хочет. На этом-то я и погорел!

– Чертыхнулась, что ли, хозяйка? – догадался Джо. – А ты, такой совестливый, брать картофелину не стал?

– Истинно так! Вот из ада и выгнали взащей, – горестно затянул черт. – И предупредили: мол, если еще раз подобное допущу, то на века лишусь шанса прописку вернуть. А так... может, амнистируют. Потому трубку вам не отдам, хоть и готов уже ради вас на многое!..

– Понятно все с тобой, – Джо, едва уловимо нахмурившись, неожиданно крикнул: – Маргарет!

Он знал, что Маргарет придет не сразу. Она ведь на кухне над обедом хлопочет. Сначала рассердится, что он сам не соизволил прийти, а потом все-таки, испугавшись, что вдруг ему нездоровится, поспешит.

– Сейчас сюда жена заглянет, ты спрячься пока за стулом, приятель, – сказал Джо черту. – Она у меня нервная чуток, еще пристукнет тебя со страху – всякое ведь быть может.

Удостоверившись, что черта не видно, Джо позвал жену еще раз, его нетерпеливое «Маррр-ргарет» прокатилось по всему дому.

Через несколько минут запыхавшаяся и гневная Маргарет стояла на пороге, и Джо от ее вида даже немного страшно стало.

– Дорогая, – начал он быстро, – скажи, как звали твоего любимого покойного дядюшку: Вильямом или Эйнармом?

Когда Маргарет вспоминала о дяде, весь ее гнев улетучивался. Да и не злилась она никогда, лишь строгий вид на себя напускала. Правда, иногда, забывшись, могла и приложить сковородой.

– Ох-х, Джо, опять ты забыл имя дяди Эйнара, а ведь он подарил нам на свадьбу пару прекрасных подсвечников, что до сих пор стоят в нашей спальне. Святым человеком был! Помнишь, как он приехал к нам в гости и жил месяц, каждый день начиная с молитвы?.. Он-то ведь меня и приучил к этому.

– Да... Это было... незабываемо, – проворчал Джо. – Сам удивляюсь, как мог запомнить его имя. Обед-то скоро?

– Спускайся в столовую через десять минут, – прощепетала Маргарет и поспешила вернуться на кухню.

– Слышал, черт? Каждый день моя Маргарет молится. Хочешь еще жить здесь?

Вылезший из-за стула черт задрожал. Да, хочет! Еще как хочет, а молитвы он слушать

не станет. Заткнет себе уши затычками, и все дела!

– Дурак ты, черт. Утомил меня, – сказал Джо, поднимаясь с кресла. – Не отдашь трубку – знаешь, что сделаю?

И, медленно выпуская из себя воздух, Джо по слогам начал:

– Маргарет, побрал бы тебя чё-о-о...

Через секунду черт плакал навзрыд, проклиная судьбу, а Джо любовно потирал вновь обретенную трубку.

– Да не реви, дурак. Отнял картошку у нищей семьи, так не жалуйся. Я тебя сразу раскусил. Кто ж черту-то поверит?.. Маргарет если только, – улыбнулся Джо и добавил, вставая с кресла: – Пошли уж обедать, выдадим тебя за собаку. Лаять-то умеешь?

Вкус к жизни

– Я, наверное, сегодня умру, – будто пробуя слова на вкус, протянул Джо.

– Да-а, черт. Умру. Ты уж позаботься о Маргарет. Она ведь одна и дня не проживет. Некому вот будет завтра сказать ей, что на ужин готовить, она Богу душу и отдаст, не сумев сделать

выбор. А ты – ты окажешься рядом и не позволишь этому произойти.

Верно, брат? Так и скажешь: «Маргарет, пожарь сегодня картошки, отвари сосисок и приготовь густого киселя». Она озадачится, помчится хлопотать и даже по мне горевать не станет – некогда же!..

Черт так и замер с лобзиком в руках. Взятая было хвостатый вырезать из полена замысловатую фигурку женщины с печальным лицом и с большой картофелиной в руках. Приближалось Восьмое марта, вот и решил черт порадовать Маргарет новой солонкой: подразумевалось, что соль будет заполнять собой ту самую картошку, полую внутри.

– Ну, чего онемел, дурень? – прикрикнул на него Джо и, в раздражении дернув себя за ухо, добавил: – Устал я... И не закатывай глаза.

Черт и не закатывал. Наоборот, испытующе поглядев на Джо, вздохнул. Тут пророком не надо быть, и так видно, что утомлен старик. Только чем? Курит целыми днями да в шахматы играет. Правда, на час-другой выбирается голубей покормить во двор. Всех городских пернатых обжор уже приучил прилетать сюда. Маргарет хлеб печь не успевает, подумал он и вздохнул.

– Может, курить бросите? – протянул тоскливо, зная, что зря слова тратит. Нельзя Джо такого говорить. Да и бессмысленно: все равно, что предлагать не дышать. Только все беды-то от этого. Из-за чего лицо Джо мрачное – глаза такие, словно влили в них смертельно горького кофе и даже крупинки сахара не кинули подсластить. Из-за них... трубок этих, которых за день до двадцати штук выкуривается.

– Фигуры лучше расставь – белыми играть буду, – махнул рукой Джо, проигнорировав предложение, и, набив табаком трубку, затянулся.

– Доиграть-то успеете? – съязвил черт. – А то в ад за вами с шахматной доской отправляться не стану.

Сомкнув руки на животе, Джо задумался. Хамит черт... То на цыпочках ходил, в углу спал и голоса не подавал. А тут взялся на кухню к Маргарет заглядывать. Картошку, дескать, той помогает чистить! Будто Маргарет сама не справится, недаром ведь всю жизнь этим делом прозанималась. Потом выстругал подставку в прихожую для ботинок. Мол, так удобнее и красивее. А сам при этом все исподлобья на Джо поглядывал, проговаривая беззвучно: мог бы и выдуть приготовленный уже ужин, хоть какой-то толк от тебя был бы.

Какой заступничек-то у Маргарет нашелся, с таким и мужа не надо.

Джо был совсем не злым и уж вовсе не мстительным. Но устал он до рези в глазах. До нехватки воздуха в голове.

Скосив заботливый взгляд на черта, он вдруг ласково и спокойно произнес:

– Черт, а ты знаешь, что Маргарет я выдул?

Тот аж закашлялся от неожиданности. Задержал ушами и хвостом закрутил – глаза его налились какой-то смертельной тоской, хотя и был он бессмертным.

– Догадывался, – буркнул он. От рождения таких добрых не бывает, – сказал, как отрезал.

Ему-то это было известно лучше других. Кому, как не черту, людей знать?

Однако знал – не знал, а поник хвостатый так, что смотреть тяжело. Сидит, пешку в руках вертит, будто бы пыль с нее смахивает. Только, скажите, какая пыль может быть в доме у Маргарет?

– Давай уж ходи, философ.

Джо, недовольный и раздраженный, сделав первый ход, отодвинул от колен столик с шахматной доской, чтобы черту сподручнее было обозревать поле битвы.

Только хвостатый с места не сдвинулся. Обвил хвостом колени и затих.

Джо стало стыдно. Он чуть не чертыхнулся в досаде, хотя за последние дни почти отучил себя от этой привычки. Только вот собрался помереть, так нет же, сорвалась глупость с языка, теперь самому и расхлебывать...

Оно и понятно: черту легче было бы пережить, что его выдули, чем Маргарет, которая даже молиться реже стала, чтобы не нервировать лишний раз. И кого? Адского заморыша!..

– Не хочется чего-то. Пойду Маргарет помогу, – тихонько так сказал черт и направился на кухню.

– Ну-ну, – только и смог выговорить Джо, перед тем как напоследок крикнуть в след: – Ты напхни ей, что она выдута, а то вдруг забыла!

Сказав это, он затаился и через некоторое время выдул рыцарские доспехи.

– Как раз то, что надо, – хмыкнул Джо, зная, что скоро они ему пригодятся. И чего только не сделаешь, чтобы совесть не мучила!..

В кухне грохотали кастрюли, все было белым от пара: Маргарет готовила праздничный ужин. Заметив, что Джо последние дни как в воду опущенный, она решила сделать все, чтобы его подбодрить.

Не скоро, надо признать, заметив скособоленную фигурку черта, обратилась к нему:

– Чего тебе, чертушка? Закончили в шахматы играть? – спросила она, не переставая метаться от стола к плите.

– Просто... думал, может, помощь нужна, – вода пальцем по столу, промямлил черт. – Ничего почистить не надо?..

Маргарет, с умилением поглядев на него, вдруг нахмурилась. Клубы пара хоть и носились по кухне, окутывая ее в белое, но глаза черта, в которых плескалось страдание, заслонить не могли.

– Почему это ты такой грустный? Ну-ка рассказывай, – уперев руки в боки, сказала Маргарет. Она даже блины снимать не стала со сковороды и про манты забыла.

– Нет, ничего, – чуть не плача, выдал он из себя. – Старую жизнь вспомнил, – приплел черт.

– Ну это пройдет, милый, – успокоилась Маргарет. – Бывает! Ты вот нарежь мне лука, если не сложно. Не люблю я с ним возиться.

Быстро взялся за дело черт и, если бы его не остановили, искрошил бы весь запас лука в доме да залил слезами всю кухню.

Отобрав у горе-помощника нож, Маргарет покачала головой. Она, конечно, не была самой чуткой женщиной в мире, но все же догадалась, что плакал черт вовсе не из-за лука:

– Так дело не пойдет. Признавайся, что случилось?

Джо мурлыкал себе под нос песенку про веселого жирафа. Его настроение медленно улучшалось, а когда он слышал грохот в коридоре – такой, словно по нему бежало стадо бизонов, – то вообще прямо расцвел.

Когда Маргарет с ревом влетела в комнату, он был уже в доспехах, готовый к битве. Черт не знал, сколько времени Джо кружил по дому, подгоняемый ударами сковороды.

Это потом уже был заключен мир и произнесена торжественная клятва, что никогда, воистину ни-ко-гда Джо не произнесет подобной ереси вслух – что якобы Маргарет родилась не от мамы и папы, а выплыла на свет из курительной трубки.

Это потом они втроем уплетали блины, обмакивая их в вишневое варенье.

– Ну что, черт, все еще считаешь, что таких добрых, как Маргарет, не бывает? – спросил Джо, потирая ушибленную голову, которую не смог уберечь даже шлем.

Черт ничего не ответил, уминая за обе щеки блины. Только довольно угукнул. Он буквально

светился от счастья. А Маргарет улыбалась, наблюдая за Джо, вновь ощутившим вкус жизни.

Ангел для черта

Со времени извержения вулкана прошла уже пара дней, однако глаза Маргарет все еще полыхали.

– Негодяи! Негодники! Кровопийцы! – то и дело слышал в своей комнате Джо, и это несмотря на то, что он накрепко закрыл дверь, которая, правда, то и дело отходила от косяка.

Сидя в своем поделенном на разноцветные лоскутные квадраты кресле, Джо пытался думать. Круги морщин на его лбу смыкались и размыкались, образуя бесконечные лабиринты.

Дрова в камине давно прогорели. В комнате было холодно и безжизненно чисто. На деревянном полу ничего не валялось: ни машинок, ни кухонных ухваток, ни пузатых будильников. Один только стул, будто в испуге, замер на трех своих ножках, прижавшись к книжному шкафу. Видно, кто-то использовал его как лестницу, чтобы дотянуться до верхней полки.

В какой-то момент в доме стала нарастать непривычная тяжелая тишина. Джо слышал

лишь, как поскрипывает его кресло-качалка. Казалось, мир стал измеряться одними звуками, которые были совершенно бесплотны. Посмотрев в окно, Джо заметил, что идет снег. Белые звездочки пролетали мимо комнаты, и это было обидным.

– Эй, черт! Открой окошко, – крикнул и тут же осекся.

Вот уже три дня, как они с Маргарет остались одни. Вот уже три дня, как Джо не то чтобы курить – затянуться не может, а все из-за этого черта хвостатого, будь он неладен!

Разозлившись на беспросветную тишину, на снег, которому было все равно, пропал черт или нет, на Маргарет, которая сейчас как пить дать плачет, услышав его крик, Джо не выдержал и, схватив тяжелую книгу, лежавшую у него на коленях, запустил ею в окно. Осколки полетели на улицу, а навстречу им в комнату ворвался ветер. Закружил снежную пыль, вмиг выбелил и без того седовласую голову Джо.

– Ой, – только и выдавила из себя Маргарет, придя на шум, и Джо совсем пал духом. Его жена не ворвалась подобно вихрю, уничтожая на пути все немислимые несчастья, которые уже одолевали Джо в её голове. Нет, лишь тихонько вошла и, ойкнув, опустилась на пол.

«Кажется, она похудела», – подумал Джо и лязгнул от холода зубами.

– Может, ты приготовишь нам студня? Твоего чудесного студня? – убитым голосом предложил он, надеясь вселить хоть немного жизни в свою Маргарет.

– И ты сможешь есть в такую минуту? – страдальчески спросила она и зарыдала, уткнувшись лицом в передник.

Это было уже слишком. Чересчур. У Джо от негодования запершило в горле.

– Пере-е-е-стань, Маргарет! Ей-богу, ты убьешь меня этим.

Снег летал по комнате, превращая полы в континенты, поделенные на маленькие острова лужиц.

Надо было собраться с духом и закурить. Хотя бы для того, чтобы застеклить окно. И согреться – мысль о горячем вине со специями, мелькнув в голове Джо, тут же исчезла. Да, он хотел согреться, но только не пить, не курить, не есть...

«Слишком долго прожил я с Маргарет. Стал совсем как она», – мрачно подумал Джо и представил себя идущим по заснеженной дороге. Вот, теряя последние силы, он добирается до дерева. Оно как вешалка – безжизненное и сухое,

с растопыренными ветвями. Прислонившись к стволу, Джо оборачивается: его следы уже занесло. Ничего кроме снега нет. Впереди тоже. Ещё немного, и он сам превратится в сугроб. Только бы закурить трубку... Он тянется в карман, вытаскивает её. Набивает остатками табака и подносит ко рту. Вот сейчас...

– Джо, ты слышишь?..

О чёрт! Слова Маргарет ударяют его. Мысленно он роняет в снег трубку. Надежды не остается.

– Ты понимаешь, что сейчас убила меня? – открыв один глаз, Джо качает головой. Ему очень жаль себя, умирающего где-то в заснеженной пустоши. И его может утешить одно – раскаяние Маргарет. Только ей, кажется, вовсе не до него.

– Слышишь? – говорит она ещё раз. – Стучат... Может быть, это снова они?..

Какое там стучат! В дверь уже чуть ли не ногами дубасят.

– Пусть ломают, – оживился Джо. – А ты, дорогая, лучше не двигайся с места, – добавил он, доставая из кармана брюк свою трубку. – Ты смотри, как налегают! Молодцы! – довольно усмехнулся, затягиваясь. – Интересно, что сейчас будет?

Ждать пришлось недолго. Через пару минут в комнату ворвалась целая орава чертей. Хвостатых, дурно пахнувших и, конечно, разутых. Заметив, что первым делом Маргарет покосилась на следы, оставленные копытами незваных гостей, Джо совсем развеселился. Дело налаживалось!

Таким же табором они явились сюда и три дня назад. В мгновение ока скрутили их черта и сгнули. Джо с Маргарет даже опомниться не успели...

И вот стоят, глаза уставшие-преуставшие. Грустные даже.

– Ну-с... С чем пожаловали?

Странные фигуры вылетают из трубки Джо. То ли драконы, то ли люди, то ли...

Черти молчат. Только переминаются с ноги на ногу, крутят хвостами, пока один из них, видно самый главный, с рыжим пятнышком на подбородке, не выдавливает из себя:

– В общем, это... заберите обратно своего...

Не договорив последнее слово – грязное и бранное – главарь умолкает. Это Джо, выдохнув огромный розовый леденец, затыкает им рот сквернословнику.

Тот тарачит глаза, силится выплюнуть застрявшую в горле сладость.

– Чем же вам не угодил наш... гм... родственник? – осведомляется Джо, косясь на Маргарет, которая, обняв скалку, ловит каждое слово мужа, готовая в любой момент ринуться в бой.

– Да он... того... – мямлят черти.

– Просто... – начинает главарь, проглотив наконец-то леденец, и тут же вновь замолкает.

Очень уж не любит Джо таких вот ругательств, особенно сказанных в присутствии Маргарет.

Так что в одно мгновение во рту безобразника появляется ещё одно сахарное лакомство – огромный петушок, и его уже – Джо постарался – не выплюнуть, не сглотнуть.

– Ну мы не знаем... Нам и самим места в доме маловато. Да, Маргарет? Или все же прием обратно? – обращается он к жене, незаметно подмигивая ей.

– Что ты, Джо! – вскрикивает она, не заметив сигнала. – Мы же...

– Да-да! – не давая ей продолжить, говорит Джо. – Право, мы не можем забрать его. Уж спасибо, братцы, что избавили! – добавляет он, выдыхая все новые фигуры из дыма: огромного василиска, смотрящего в зеркало, даму с собачкой, этажерку с книгами.

На чертей становится жалко смотреть. Вот и Маргарет глядит на них уже не так гневно. «Так дойдет до того, что она их пригласит чай пить и предложит остаться у нас», – смекнул Джо и решил, что пора закругляться.

– Скажите сначала, зачем утащили его, – рывкнул он на них и крутанул себя за ус.

– Положено так, – выступил вперед один из чертей. С выбеленной временем бородой и шкуррой он представлял собой странное зрелище. Белоснежный бес... Чего только не увидишь на свете!

– Заведено у нас в аду каждые полгода являться на сверку. Докладывать, сколько злых дел сделано, сколько душ погублено. За это нас премируют, если много. И, конечно, наказывают, если слишком мало. Этот же ваш... родственник... не являлся целый год! Вот нас и выслали на его поиски. А как притащили в ад, так все и началось.

– Что именно? – любопытствовал Джо, начав успокаиваться.

– А то! Ходить он меж нами начал и рассказывать, как здорово добро делать. Тут его бы и удавить на месте, так мы же, черти, бессмертны... И так его наказывали, и сяк, ничего не помогло... Вот и решили идти к вам и просить обратно его забрать. Слишком уж невыносимой жизнь с ним в аду стала...

– Почему? – робко спросила Маргарет.

Черти при звуках ее ласкового голоса вздрогнули. И снова ответил самый старый из них:

– Слушая его, многие из нас решили, что мы несчастны и убоги. А хуже чувства жалости к себе ничего нет.

Тут черта аж передернуло.

– Никакая мука адова не сравнится с этим. Ничего хуже нет, чем жалеть себя. Жалеть себя и корчиться в душе, что ты хуже всех и несчастнее. Что права не имеешь на счастье...

– У вас душа есть? – искренне изумился Джо.

Черти, услышав вопрос, поникли совсем. Не хотели бы признаваться в этом, да пришлось.

– Сами видите, я далеко не молод, а у нас ведь век за месяц идет. Если признаться, то бесконечно стар и даже дряхл, а ваш... родственничек и меня уходил. Стал я с тоской думать, что вот у людей есть ангелы-хранители, а у чертей нет. Потому и беречь нас некому. От этого слезы и ночью, и днем на глаза просились. Думал выколоть их, да сил не достало. Жалеть же себя начал. Вы уж заберите этого... – старый черт не закончил фразы. То ли очень мудрым он был, то ли взгляд его в эту секунду упал на главаря, который до сих пор давился слюной, стараясь растворить в себе сахарный кляп.

– Так уж и быть... – милостиво кивнул Джо и, заметив, что черти тут же приободрились, произнес: – Хотя...

Здесь уже не выдержала Маргарет. Поднявшись с пола, подошла вплотную к чертям. Глаза её наполнились слезами от жалости к несчастным.

– Бедные, не переживайте. Быстрее возвращайте нам нашего хвостатого. А его вон, – она кивнула на Джо, – не слушайте. Нам тут и самим худо без черта живется.

– Без черта-то? – седой бес покачал головой. В глазах его вспыхнул злобный огонек, который тут же погас. Только чернота и осталась.

«Странно, а у нашего плошки зеленые. Как крыжовник», – подумал Джо и неожиданно для себя понял, что страшно устал.

Затянувшись в последний раз, он выдул маленького тощего сорванца с луком, который тут же закружил над головой у древнего черта.

А через пару часов Маргарет уже отпаивала чаем с малиновым вареньем своего любимца. Дюя в чашку, он прятал глаза на самое дно.

– Блин ещё будешь? – спросил Джо.

Он пил жгучий кофе, курил и боролся со сном.

Черт в ответ радостно закивал:

– Бу-у-уду.

– Сколько можно-то? – лениво вскинулся Джо, но, припав к трубке, выкурил целое блюдо тоненьких ажурных блинов.

В комнате было тепло. На полу валялись перья, кубики, монетки.

– Просто дома хорошо очень, – невпопад ответил черт. – Знаете, как в аду плохо, где все только себя жалеют? – спросил он, но никто ему не ответил.

Маргарет ушла готовить свой восхитительный студень, а Джо, засыпая, думал о старом черте. Всё ему представлялось, как тот заботливо склоняется над недокормышем-ангелом и просит его хоть немножко покушать.

Орхидея

– А можно я съем ещё? – спросил Джо и тут же потянулся за последним овсяным печеньицем.

Он и так слопал почти все. Но как сдержаться, когда Маргарет испекла такие вкусные штуки?..

Черт отвернулся, чтобы скрыть укоризну. Он позволил себе полакомиться лишь одним, а Маргарет так вообще лишь надкусила печеньку. Вот уже неделя, как в доме кончился табак. А

когда Джо не курит, кладовая быстро пустеет... Да и откуда чему взяться, когда из них троих никто не работает? Дни и ночи напролет черт думал, куда бы устроиться на службу, и нещадно худел.

– Больше ничего нет, милая? – вытерев рот рукавом, Джо с сожалением уставился на опустевшее блюдо.

Маргарет виновато покачала головой и, забрав посуду, ушла на кухню заваривать кофе.

Комнату затянуло молчанием. Джо сердито поблескивал глазами.

– Что будем делать, черт? Кому-то из нас нужно отправляться в город на заработки, и я почему-то уверен: не мне.

Поднявшись из-за стола, он подошел к окну. По саду уже который день топтался дождик. Мелкий, назойливый и холодный. Даже нос высовывать наружу не хотелось.

– Вот интересно, – вертя в руках не унесенную Маргарет вилку, начал чёрт, – а что выкурилось у нас в последний раз? Никак не припомню.

– Врёшь, – бросил Джо и в раздражении задернул окно.

Да, чёрт врал. Забыть белоснежную орхидею с фиолетовым глазком было нельзя. Всю трубку Джо потратил на нее. Зная, что забивает

любимицу последним запасцем табака, думал, как сейчас выдует целую прорву первосортной вирджинии. Как раз в этот момент в дверь позвонили, и через минуту перед Джо возник молодой человек лет двадцати в залатанной куртке и со шрамом через всю щеку.

– Прямо Лоскутик, – хмыкнул Джо и, поднеся трубку ко рту, спросил, чему обязан.

– Я-а-а-а... – замычал гость. – Мне...

Ожидая, пока тот разберется с местоимениями, Джо рассмотрел, что глаза у паренька синие с черным. Во взгляде – и земля, и небо, и только раскрывшийся после долгого сна любопытный цикорий.

– Она... я... нам...

– Заткнись и сядь, – добродушно оборвал его Джо. Она тебе сказала, что видеть не хочет, а ты любишь её больше жизни?

– Вы почти правы.

Справившись с волнением, он заговорил ладно и связно.

– Лучше и добрее моей Ани никого нет на свете. Мы выросли вместе. Сколько я помню себя, столько и её.

«Очередной восторженный дурачок, – проворчал про себя чёрт. – Все они так: сначала превозносят, а потом посылают к черту... при-

чем таких истеричных дам, что хоть вешайся. Однако что он там говорит про больницу для бедняков?»

– Если бы вы видели, как Ани заботливо ухаживает за теми, кого бросили даже родные! После занятий в университете я тоже часто спешу туда, чтобы помочь ей. Мы читаем книги старикам, которые не понимают ничего, однако блаженно слушают нас. Я учусь на доктора и как-то весь вечер рассказывал им основы анатомии, и, поверьте, улыбка на губах у старого Сэма была такой же, с какой он слушал накануне сказки. О, это милый старик. Он всю жизнь проработал в городской конюшне и сам сделался похожим на лошадь. Мы смеемся с Ани, что во сне он фыркает точь-в-точь как конь. Но я, кажется, отвлекся. Простите!

В смущении парнишка вскочил со стула и начал ходить взад-вперед по комнате. Так, что скоро у Джо зарябило в глазах.

– Понимаете, я не помогал Ани в больнице весь март! Готовился к экзаменам, будь они прокляты! Сдав всё, поспешил в нашу богадельню и обнаружил, что у нее уже другой помощник... Это садовник. Он вдов и воспитывает троих детей, но вы бы видели, как моя девочка на него смотрит. Она любит его, я уверен!

– А я-то здесь при чем? – спросил Джо, выпустив изо рта еще одно замысловатое облачко дыма.

– Сделайте что-нибудь! Говорят, вы можете всё! – вспыхнул юноша, и чёрту показалось, будто он вот-вот разрыдается.

– Если цветок вырос и распустился, то его можно только сорвать, молодой человек. Вы напрасно отняли наше с вами время, – изрек Джо и, оторвавшись от трубки, взревел: – Маргарррррет!

– Но я подслушал вчера их разговор! Он сказал моей девочке, что скоро оставит семью. Этот садовник хочет позвать ее под венец!

Тут даже чёрту стало жаль юнца. Шрам на лице парня налился кровью, глаза запали, а голос дрожал, как порванная струна.

– Как думаешь, согласишься? – спросил Джо, прежде чем в очередной раз закричать изо всех сил: «Маргарррррет, ну где же ты?».

– Ах, вы издеваетесь надо мной! Это жестоко, – очень кротко, совершенно отчаявшись, сказал юноша. – Зря я пришел...

Он направился было к двери, но Джо остановил его:

– Сядь! Да когда же явится эта Маргарет?.. Я не знаю, чего ты ждал от меня, мальчик. Если ты

любишь девочку, то должен верить ей, что бы она ни сделала. Однако я не философ и не святой отец. Посмотри, какой цветок удалось мне создать, пока я слушал твой рассказ. Подари его своей Ани. Пусть даже на свадьбу с чудовищем, если этого... гм... ей хочется. А теперь иди, я устал от тебя.

Черт обмер, уставившись на белоснежную, с фиолетовым глазком орхидею. Она была прекрасной, но что они станут делать без табака?.. Джо, слушая мальчишку, выкурил всю трубку... Катастрофа!..

Молча взяв цветок, юноша ушел. Кажется, он плакал и не хотел показывать своих слез.

Вздыхнув, Джо прошептал:

– Каков болван, а?

– Вы или он? – любезно осведомился чёрт.

– Ты, оборкот!..

Когда в комнату заглянула Маргарет, Джо, гневно на нее посмотрев, спросил:

– Чего пришла? Я хотел тебе показать себя в молодости, но мой юный двойник уже ушел. Ты, как всегда, опоздала!

– Джо, я отлично помню своего тощего и глупого ухажера, который умудрялся ревновать меня даже к вокзальной скамейке! Через полчаса, кстати, будут пирог с почками и плюшки с шоколадом.

Да, так сказала тогда невозмутимая Маргарет и устроила для них настоящий пир! Черт, положив на стол вилку, облизнулся. Хотелось есть. Все-таки именно он должен пойти в город, а иначе, того и гляди, на заработки отправится Маргарет.

Вздыхнув, он потопал к выходу. Главное, чтобы не побили, когда придет наниматься. Честным чертям всегда достается...

Когда уже надел дождевичок, раздался звонок. Это был почтальон.

– Письмо для сэра Джо! – гаркнул тот, вытянувшись во весь рост. Отдав конверт и какой-то увесистый сверток, он, ухватив черта за локоть, спросил шепотом:

– Любезный, а сэр Джо действительно может все? У меня, знаете, сломались фамильные часы. Он не мог бы их починить?..

Умоляюще посмотрев на черта, почтальон полез в нагрудный карман:

– Я заплачу!

Искушение было огромным, но черт сдержался.

– Сэр Джо не часовых дел мастер. Извините.

Уходя в зал, черт ругал себя. Чего стоило попросить у почтальона понюшку табака! Ох уж этот грешок гордыни...

Распечатав конверт, Джо завопил:

– Маргарет, где очки?!

– Давайте я прочту вслух! – предложил черт, которому было интересно, кто же мог написать письмо.

– А ты разве умеешь? Ах да, Маргарет на кухне научила... Ну читай!

Оставив это язвительное замечание без внимания, черт прокашлялся, прежде чем прочесть:

– «Дорогой дядюшка Джо...»

– Дядюшка? У меня нет племянников! Ну ладно, читай дальше!

– Попрошу не прерывать, иначе я каждый раз стану начинать сначала: «Дорогой дядюшка Джо, пишет вам тот, кому вы подарили орхидею».

Тут черт прервал себя сам, чтобы вставить ехидное:

– То есть тот сопляк, который лишил нас всего.

Но тут же продолжил:

– «Дорогой дядюшка Джо, пишет вам тот, кому вы подарили орхидею. Я со своей невестой приглашаю вас на свадьбу! Мы венчаемся в эту субботу в церкви Святого Георгия. Будем счастливы видеть вас! Искренне ваши, Джон Горд и Ани Преск».

– Это всё? – спросил Джо?.. Может, есть отдельная записка?..

Заглянув еще раз в конверт, черт действительно извлек из него еще один листок и начал читать:

– «Пишу вам отдельно, чтобы Ани не видела. Вы были правы: нужно верить любимым. Садовник умер три дня назад. Он знал, что смертельно болен, и просил мою девочку позаботиться о его малышах. Так что, еще не женившись, я уже стал отцом. Когда я подарил вашу орхидею Ани, она расплакалась и сказала, что любит меня больше всех на свете. Я не смог рассказать ей о своих переживаниях и подозрениях. Страшно представить, что она могла бы обо мне подумать! Спасибо вам! Будьте так добры, примите от меня немного табака. Самого лучшего, который я только смог найти в городе.

Не обижайтесь на этот смешной подарок, вы мне теперь, как крестный. Своего первенца мы назовем в вашу честь. Джон».

Закончив читать, черт посмотрел на Джо и увидел, что глаза у того подозрительно блестят.

– Сегодня не суббота? – спросил Джо.

Чёрт растерянно пожал плечами. Это был очень трудный вопрос. Быстро осознав, что ответить на него может лишь почтальон, черт

стремглав понесся на улицу. А письмоносец уже вышел за пределы сада – важный, похожий на гриб, со своим смешным зонтиком.

– Подождите! – закричал черт. – Скажите, какой сегодня день?

– Что?

– Какой день сегодня? – завопил черт еще громче, перекрикивая дождь.

– Плохой, сэр! Как вы помните, у меня сломались часы, да и ноги промокли.

– Вы не поняли! День недели какой?

– А-а... Суббота! Все отдыхают, а я вот работаю... – сказал почтальон и, помахав черту рукой, побрел в сторону города.

Вернувшись в дом, черт доложил:

– Суббота. Значит, сегодня они венчаются. Через четыре часа.

Довольно хмыкнув, Джо завопил:

– Маргарrrrrрет, Маргарrrrrрет, Маргарrrrrрет!

А когда та влетела в комнату с кофейником в руках, сказал:

– Одевайся, любимая! Я хочу сходить и посмотреть еще раз на тебя в молодости.

Чёрт тут же прочел вслух письмо и записку. Помолчав, Маргарет спросила:

– Эта девушка похожа на меня?

– Ну что ты, милая. Я говорил про цветок...
Покрывшись пунцовыми пятнами, Маргарет клюнула Джо в щёку:

– Я так и знала!

Довольный Джо закурил трубку. Он догадывался, что, как и всякая приличная дама, Маргарет будет не меньше часа прихорашиваться у зеркала.

Он же пока выдует ей пару новых сережек.

Город встретил меня рассветом. Холодный, болезненно-тусклый свет едва пробивался сквозь туман, близоруко ощупывая взглядом крыши домов.

Город смотрел сны, и в какой-то момент мне подумалось, что и я ему снюсь. А что? Может быть, он давно мечтал о путнике, что принесет с собой запах неведомых трав, аромат чужих мыслей и слов.

До часа, когда люди выползут из своих домов и возобновится привычная суэта, была бездна времени. И я не знал, чем занять себя.

Все города похожи друг на друга, а я столько их повидал на своем веку, что сейчас мне казалось, будто я здесь уже был.

Бледно мерцал, как потрепанный жизнью цветок, замерший на одной ножке фонарь. Казалось, дыхни – и свет тычинками разлетится

по улицам, разогнав по углам последние слова ночи, пропитавшей все своим уныло-печальным шепотом.

Медленно я подошел к фонарю, закрыл глаза и, вытянувшись во весь рост, дунул. И когда услышал смех, должно быть ангелов, не удивился. Уж очень я верил, что они есть и, конечно, умеют смеяться. Второй раз я, вдохнув в себя воздуха столько, сколько смог, выпустил его на фонарь, для того чтобы только услышать мелодичные ангельские переливы еще раз.

– Дяденька, вы чего?.. – спросил меня ангел – обладатель тонкого ребячьего голоса.

Приоткрыв от смущения лишь один глаз и не оборачиваясь, я принялся рукавом натирать этот дурацкий фонарь.

– Как чего? Чищу фонарь! Разве не ясно? – как-то слишком сердито ответил я и тут же, устыдившись своей неискренности, обернулся и увидел перед собой мальчонку, чья ладошка утопала... В отцовской, наверное, руке. Грузный мужчина смотрел на меня, надо признать совершенно справедливо, как на идиота, и мне отчего-то сразу захотелось сказать что-то в свое оправдание.

– Знаете, на самом деле я не чистил фонарь. Просто точно такой же я видел в городе Юм.

Помню, был вечер. Понимаете, в этом городе не бывает ночей. Тьма не окутывает его милые дворы и площади, нежные шпили церковей не ранят небо, а только щекотят. Люди в том городе никогда не ругаются. Был вечер, и одна девушка прямо на моих глазах подошла к фонарю и точно так же, как я, дунула на него. Не верите?.. Но я не вру. Подошла и, не посмотрев даже по сторонам, чтобы проверить, видит ее кто-нибудь или нет, дунула. На ней было белое платьице. Такое короткое, что не прикрывало колен. Наверное, многие пожилые женщины неодобрительно смотрели ей вслед, когда она гуляла по городу. Ведь часто вызывает раздражение то, что нам не по карману, не по возрасту или не по фигуре.

– Зачем вы сделали это? – спросил я ее, подойдя к фонарю, что, склонив голову набок, думал о чем-то.

– Просто так, – улыбнулась Птичка.

– Вы не удивляйтесь, что я так буду ее называть, – обратился я к мужчине, который, усадив сына на плечи, зачем-то внимательно слушал меня.

– Где вы живете? – спросил я у нее. – Уже вечер, давайте я провожу вас домой.

Вообще-то я шел к старому Прану, что ждал меня в гости, выставив на стол имбирное пиво, но слова сами вырвались наружу. Так что де-

ваться было некуда, когда, робко передернув плечами, Птичка подала мне руку.

Мы шли и молчали. Громко стучало сердце. Было страшно. Как вам сказать?.. Я не был трусом, но никогда мое сердце не билось так гулко.

– У вас всегда так громко стучат часы? – тихо спросила Птичка, посмотрев мне прямо в глаза, отчего сердце, кувыркнувшись, ударилось о грудь с таким криком, что я побоялся открыть рот, чтобы ответить ей. Вдруг бы оно вылетело, а как жить без сердца, я тогда не знал. Потому оставалось только пожать плечами: дескать, случается вот такое.

Я довел ее до самого дома – низенького, с красной крышей и большим крыльцом. Уже потом, когда мне не оставалось ничего, кроме как вспоминать, я насчитал целых семь ступенек, ведущих к продуваемой, тощей двери.

Как звали эту девушку?.. Какая разница! Вы ее не знаете, а для меня она Птичка.

– Спасибо, что проводили, – сказала она и застенчиво улыбнулась.

Знаете, я многое видел на свете, но ничто из увиденного не сравнится с той улыбкой – нерешительной, доброй, похожей на первый весенний лучик, разрушающий враз всю тяжесть зимнего сна.

В ту ночь, вернее в тот вечер, я не давал спать жене: слишком громко стучало сердце. Разволновавшись, суженая укутала меня одеялами, обложила лекарствами и градусниками. Утром за завтраком мой маленький сын, намазывая на хлеб варенье, вдруг заявил, что у папы, наверное, внутри кто-то снес яйцо, в котором сидит птенец и, скучая, бьется клювом о стены.

– Да? И кто бы это мог снести у меня внутри яйцо? – вымученно улыбаясь, спросил я ребенка.

Помотав в нерешительности головой, мой умник признался, что в школе они прошли только первые десять букв и потому он многого еще не знает.

Поцеловав домочадцев, я отправился на службу. Кем я работал? О, у меня была самая лучшая в мире работа! Каждый день, взобравшись на самую высокую в городе башню, я нашептывал песни, которые люди почему-то называли заклинаниями. Слушая меня, облака жмурились и принимали чудесные формы. Иногда для потехи я устраивал на небе целые спектакли. Школьные учителя не любили меня за это, ведь дети слишком часто забывали, что они на уроке, любуясь из окон небесными представлениями.

В то утро над Юмом не пролетело ни одного живого облака. Бесконечно синее небо повисло над городом, как верный знак того, что заклинатель, то есть я, либо запил, либо помер, ибо не прийти на работу не мог.

А у меня просто так громко стучало сердце, что облака не то чтобы не стали слушать мои песни, они убежали прочь, спрятались за солнце и уже из-за него испуганно озирались по сторонам.

Спустившись с башни, я не знал, куда себя деть. Наверное, исходил весь город, прежде чем ноги вывели меня к дому под уютной красной крышей.

Я встал у окна, которое показало мне Птичку, сидящую за столом и читающую какую-то книгу. Вот кто-то ее позвал, она привстала со стула, ответила и вновь отдалась чтению. Комната была похожа на нашу – такой же круглый стол с деревянными ножками и старый шкаф в самом углу у порога. Моя жена хранит в нем ненужные, но дорогие нам вещи: рисунки сынишки, пеленки да первые его игрушки. В этом же шкафу, наверное, лежат книги.

Я, не двигаясь, смотрел в окно, как дурак. Сердце успокоилось, мирно покачиваясь в груди, едва дышало, сменив бешеный бег на легкую полудрему.

Только вечно подсматривать я не мог. Вернулся на башню, и до самого вечера в небе кувыркались снежные зайцы, пытаюсь понравиться одной маленькой ласточке... Сударь, не смотрите на меня такими грустными глазами. Иначе я заплачу, ваш сынок увидит мои слезы, и в этом не будет ничего хорошего. Взрослый мужчина, что сначала дует на уличный фонарь, а потом хнычет, как маленький, может неприятно удивить даже взрослого... Но я отвлекся.

Вы не поверите, но, возвращаясь домой, я почувствовал, как сердце начало разбегаться. С каждым мигмом оно стучало все сильнее. И я заболел. На работу ходить не было смысла, и целыми днями я лежал на кровати. Жена, с которой мы раньше почти не ссорились, теперь часто удрученно молчала. Стоило, скажем, за ужином нашим взглядам случайно встретиться, как она, словно остекленев, невольно тянулась поправить затычку в ухе. Я любил ее, но боже – как она раздражала меня в эти дни! Не вините меня, разве я был виноват, что мое сердце сошло с ума?..

День на пятый или, может быть, на восьмой, когда я мысленно сосчитал все ступеньки домика с красной крышей, разобрал голосок своей Птички на ноты и прослушал каждую по отдельности, я решил написать ей письмо.

Я писал весь день, спрятавшись на чердаке. Лишь бы из родных никто не заметил. Теперь, когда сердце загнуло все на свете, я не слышал шагов за спиной, не замечал шепотков, сопровождающихся строгим покачиванием головы. Будет честно, если я скажу, что не видел и не слышал вообще ничего. И потому, зная за собой этот грех, предпочел просто укрыться от близких, заложивших уши тампонами и подушками.

Что я написал в том письме?.. Наверное, все и ничего одновременно. Рассказал, что люблю осень за нежный полет листьев, которые, сорвавшись с разных деревьев, находят друг друга в движении и если повезет, то и ложатся на землю рядышком. Написал, как чуден наш Юм зимой, когда все становится серебряным, и тогда даже мысли святые – строгие и звонкие. Вспомнил, как когда-то давно, в феврале, свалился в прорубь. Чудом не умер, спасли подбежавшие люди, а я не поблагодарил их. Ни тогда, ни потом. Никогда не чувствовал себя таким живым и чистым, словно все плохое растворилось в ледяной воде. Какой-то миг я жил лишь душой, и это было так правильно. С тех пор я тоскую по тому чувству, моя Птичка.

Так написал я и добавил, что единственное, удерживающее меня с той поры на земле, – это жена и ребенок, а теперь еще и она.

Я отнес письмо к дому с красной крышей и позвонил в двери. Ее не оказалось дома, и я отдал конверт пожилой женщине, ее бабушке, которую мне потом пришлось полюбить. Ведь я не мог равнодушно относиться к тому, кого любила моя Птичка.

Что дальше? Она мне ответила... Я храню то письмо до сих пор, хотя буквы уже истерлись и выцвели, так что и слова не разобрать. Моя девочка написала, что больше всего на свете любит смотреть на небо, населенное дивными облаками. Что иногда вечерами кажется ей, что за окнами кто-то ходит, незримый, и тихо вздыхает, отчего у нее вдруг немеет сердце и тянущейся пустотой заливаается грудь. Рвется наружу какое-то чувство – незнакомое и тоскливое, хочется вдруг прижаться к кому-то и рассказать обо всех своих страхах. Что сейчас она вдруг заболела. Последние дни небо – как потолок, выкрашенный в давящий синий цвет, из-за этого ей нечем дышать и хочется плакать.

Представляете, что пережил я, читая письмо? Птичка страдала из-за меня и моего дурацкого сердца. Она болела, а я ничего не мог сде-

лать, чтобы ее утешить. И тогда я рассказал все жене, самой мудрой женщине не только в Юме, а вообще на земле. Мы долго сидели на кухне. Я пил чай, смотрел, как расходятся в чашке круги, изредка подергивал скатерть за краешек, а жена молчала. А потом подошла ко мне и прошептала на ухо, что если из Юма уедет заклинатель облаков, то через некоторое время на его место придет другой, и тогда моя Птичка выздоровеет. Посмотрев в печальные и такие красивые глаза жены, я заплакал, и мне не было стыдно за эти слезы.

Через несколько часов, когда вечер растворился в утре, мы уехали. Добра нажили немного, самое дорогое уместилось в одной только сумке – рисунки нашего сынишки и его же вещи.

Скоро ли перестало громко биться мое сердце, малыш? Ты, оказывается, слушаешь, а я думал, давно уже спишь на отцовских плечах. Оно билось, как сумасшедшее, еще долго. Чтобы люди не задавали лишних вопросов, я стал мастером часовых дел, и никого больше не смущало, что рядом со мной все время что-то громко стучит.

Вы спрашиваете, где сейчас мои родные? Они ждут моего возвращения в одном большом городе. Понимаете, примерно год назад мое

сердце вдруг выздоровело. Только вот я заболел... Тоска по Юму охватила меня, так что как-то под утро, взяв слово с подросткового сына, что он приглядит за мамой, я отправился на поиски своего города. Юм так мал, что не нанесен ни на одну из дорожных карт!..

Вам давно пора идти? Ах, извините, что утомил. Я не болтлив и никому еще не рассказывал всего этого. Вы говорите, что я напрасно потеряю время, задержавшись в вашем городе, совсем не таком, как Юм? Однако в тридцати километрах отсюда есть похожее на него селение? Тогда я не буду медлить, ведь меня ждут дома, а мое путешествие и так затянулось. Спасибо за пожелание удачи! Она мне понадобится...

Распроставшись с женщиной и ребенком, путник и правда покинул город. Он не заметил почерневшей от времени и дождей таблички с его названием. Оно состояло из двух только букв...

Мужчина, невольный слушатель, отведя сына в воскресную школу, долго потом кусал губы и прятал глаза. Успокоившись, он отправился на работу и, взобравшись на самую высокую башню, начал петь... И весь день облачные цветы тянули свои головки к солнцу в память

о том времени, когда в Юме не было ночей. И жила в нем девушка, в которую влюбился заклинатель облаков, пришедший в город с ребенком на руках, чтобы занять место сбежавшего своего предшественника. Только девушка эта была тихой и странной, она не любила смотреть на небо, пусть даже облака на нем вырисовывали ее имя. Она умерла совсем молодой примерно год назад.

Кружка в цветочек

– Здравствуй, Ю, – скажу ему и больше ни словечка не дам. Повернусь спиной и уйду.

Ничего не подарить мне на день рождения! Ни шарика, ни морковки, ни даже печеньица!..

Светлячок уже второй час сидел за столом и, нахмурясь, передвигал с места на место сахарницу. Ёжик подарил новую иглу. Это хорошо. Старая потерялась. Будет чем башмаки чинить. Ослик принес кружку. Посмотрев на желтую в цветочек кружку, Светлячок покачал головой. Ужасная кружка! И хоть он сам никогда бы не подарил такую, все же приятно. Особенно угодила белочка с ее шоколадными орешками. Светлячок тут же угостил ими друзей, слава богу, не успели всё съесть! И как было бы здорово сейчас вместе с Ю грызть орешки и запивать их ромашковым чаем. Но нет Ю и нет подарка от Ю. Гости давно ушли. За окошком так темно, что

даже звезд не видно. Грустно в лесу, никому будто и дела нет, что у Светлячка сегодня четвертый день рождения за всю его лопоухую жизнь.

– А вот и не лягу спать! Пойду волшебный цветок искать! – Светлячок медленно сполз со стула. Подошел к зеркалу, висевшему напротив входной двери. Очень долго смотрел на себя. Потом подмел пол. Вымыл чашки. Никуда идти не хотелось. Но ведь не ложиться же спать в такой день!.. Охая, натянул на лапки ботинки и только потянулся за шарфиком, как в дверь постучали.

– Никого нет дома! – прокричал он, стараясь скрыть радость.

– Светлячок, не глупи! Открывай, это я!

– Будто не слышу, что это он, – проворчал зайка и, отодвинув засов, высунул уши на улицу.

– Ты разбудил меня, Ю... Что случилось?

Не церемонясь с другом, лисенок тут же протиснулся внутрь.

– А разве удобно спать в ботинках? – спросил он Светлячка и, не дождавшись ответа, стащил с себя полосатый берет.

– Поставь, пожалуйста, чайник! Я так продрог, пока шел, – добавил лисенок, усаживаясь в кресло прямо напротив камина.

– А-а-а... – протянул Светлячок. – А чего шел-то в такую темень? Завтра могли бы увидеться.

Ему очень хотелось заплакать и, чтобы скрыть это, зайка долго возился со шнурками, лишь бы не оборачиваться. Когда же обернулся, то увидел лисенка, доедающего последний орешек.

«Ю!.. А я?» – хотел было вскрикнуть Светлячок, но вместо этого лишь повторил вопрос:

– Так зачем пришел? Кстати, вкусно? Я ведь еще не попробовал эти орешки.

– А о ты, аоишь! – пробубнил Ю с полным ртом. А когда прожевал, добавил: – Очень жаль! Они замечательные.

Улыбаясь, он взял Светлячка за лапу и, вложив в неё что-то, сказал:

– Вот мой подарок! Я искал его всю неделю и нашел только сегодня вечером. Помнишь, мы, глядя в небо, увидели, как звезда, сорвавшись, полетела вниз и упала где-то далеко в нашем си-нем лесу?..

Светлячок помнил. Медленно разжав лапу, увидел перед собой блестящий камушек. Настоящую звездочку.

– Тебе нравится, Светлячок?

– Очень... – прошептал зайка и опять чуть не заплакал. Ему было и стыдно, и так хорошо, что он от смущения буркнул:

– А орешек хоть один мог бы мне и оставить...

В ответ на это Ю только довольно зевнул.
Когда же они пили ромашковый чай, сказал:

– Кстати, кто подарил тебе эту ужасную
кружку в цветочек?

Мишка

Мишка – мой друг. И он лучше всех умеет улыбаться глазами. Они у него большие-большие. Чуть ли не всю физиономию занимают. Такие два фонарика – шоколадного, теплого цвета.

Однажды прибегает Мишка ко мне домой и говорит:

– Пошли в кино.

А мне невесело было тогда. По алгебре двойку получил. Исправлять ее надо, а я не понимаю ничего. Тут еще Мишка мешает, у само-го-то небось четверка. Сижу, смотрю в окно, а там нерадостно так и холодно. Прохожие жмутся, уходят лицами в воротники – тепло берегут. А вот если бы распахнули куртки, посмотрели друг на друга, то вдруг бы весь мир согрели? И зима эта злая сразу бы закончилась, скорее лето с каникулами пришло.

– Вот им жалко, что ли? – вдруг говорит Мишка.

Оборачиваюсь, а он, оказывается, стоит у меня за спиной и тоже в окошко смотрит.

– Гошка, знаешь, что я подумал?

Спросил и тут же отвечать начал. Терпеть эту его привычку не могу – просто так спрашивать. Как говорит моя мама, риторически.

– Что зимы никогда бы не было, если бы никто никого не обижал. И листья бы не опадали, если бы люди не умирали.

Мишка рассказывал все это так, словно мысли мои читал, только приукрашивать их еще успевал. И от этого горько мне стало. Будто и здесь я хуже других. Не только по алгебре.

В глазах аж защипало от обиды. Отвернулся я от окошка, стал кошку гладить. Она выгнулась от удовольствия, замурлыкала.

У Мишки дома животных никаких нет. Ему родители не разрешают их заводить. Вот он сразу и вскинулся, услышав ее довольную песню.

– Ой, Динка пришла, – разулыбался весь, потянулся к ней, тоже стал гладить.

И вот опускаются сумерки на город, спешат по домам люди, а мы с ним, как маленькие, сидим и кошку наглаживаем. Я старательно отгоняю от себя обиду, а она никак не уходит. Под-

нимаю, опускаю нежно руку на кошкину спину, и чудится мне муравей, что так же вот топчется по моему сердцу. И вроде бы не кусается – щекочет, а так тошно от этого, что хочется зарыться в Динкину шерсть лицом и заплакать.

– Слушай, Гош, а давай алгебру вместе делать, – говорит вдруг Мишка и тут же добавляет: – Одному просто скучно.

Я соглашаюсь, и мы больше часа корпим за учебниками. Пришедшие с работы родители ходят только на цыпочках, боясь нам помешать.

– Знаешь, а я ведь то же самое думал, когда смотрел в окно, – вдруг говорю неожиданно для самого себя, оторвавшись от учебника.

– Правда?

Я киваю, и мой молчаливый ответ утопает в большеглазой улыбке друга.

– Вот здорово! Получается, что мы думаем одинаково! – говорит Мишка, и от его слов мне становится очень радостно. И ощущение, что где-то под сердцем ползает и ищет кого-то маленький муравей, пропадает.

– Ага... Слушай, а как решается этот пример? – я подвигаю Мишке свою тетрадку и, слушая его объяснения, понимаю, что у меня самый лучший на свете друг.

Мечта

Жил-был художник. И была у него мечта. Самая обыкновенная. Хотел он построить дом. Так, чтобы обязательно была речка неподалеку. И лес. А еще чтобы завелся в доме сверчок и насвистывал ему свои песни. Ведь сверчки заводятся только у добрых людей, а художник очень-очень хотел быть добрым. Он даже не знал иногда, когда совершал хороший поступок, почему так делает, – потому что иначе не может или оттого, что хочет сделать доброе дело.

«Как же сложно все это, – мучительно улыбался он про себя всякий раз, когда приходил к кому-то на помощь. – Вот не сделаю этого – и собой быть перестану. Лучше уж пожертвую временем и силами, чем идти на такое. Какой же я все-таки эгоист!»

Кисть в его руке, словно застывшие на крыше после дождя капли, падающие плавно и гулко,

раз за разом касалась холста. Вот уже пятнадцать лет он рисовал одну картину. О, эскизов он создал так много, что можно было оклеить ими весь город! Танцующий парашютист, сорвавшийся с большого одуванчика. Улыбающаяся девочка, что присела на корточки возле щенка. Сморщенный гриб, украшенный листочками брусники.

Пара взмахов карандаша – и на листе бумаги возникал мир. Как любили художника мамы! Увлечшись погоней за мгновением, он набрасывал портрет мальчонки, разговаривающего с кошкой, а потом дарил рисунок родителям малыша.

Художник любил животных, он и кошке подарил бы рисунок, только отчего-то ей его творения были вовсе не нужны.

«Лучше пойдем, купишь мне колбасы», – терлась хвостатая о его ноги, а потом терпеливо ждала у магазина, только и щуря свои изогнутые померанцевые глаза.

А если у него не было денег, ведь он был бедным-пребедным, как и положено настоящему художнику, кошка не обижалась. Она забиралась к нему на колени и мурлыкала: «Ну тогда нарисуй рыбку, много-много рыбки, раз на большее сегодня ты не способен». И художник рисовал. Дергался карандаш, жмурилась кошка, а на ли-

сточке, вырванном из блокнота, выросал целый рыбий переулочек. Кокетливые селедки толкали перед собой колясочки, в которых пускали пузыри маленькие рыбята. Толстые сомы торговали морской капустой и еще – маринованными водорослями...

Кошка, заглядевшись, начинала бить хвостом и нервно облизываться. В конце концов, не выдерживая, ударила колючей лапой одного из толстущих сомов, разрывая бумагу и выбивая из рук художника карандаш. Заметив, что натворила, фыркнув, удалялась прочь. «Лучше уж мышей наловлю», – говорила она спиной.

Через некоторое время поднимался с лавочки и художник. Он уже издали видел спешащих к нему с табуреточками женщин из соседних подъездов, которых обязательно нужно было нарисовать. Один раз он уже создал портрет пышной дамы с другого конца города. Запыхавшейся от ходьбы, облаченной в какие-то авоськи, в дурацкой шляпке.

– Нарисуйте меня такой, какая я есть в душе, – томно вытянув губы, попросила она.

– В душе? – переспросил он ее. – Как вы купаетесь?

Оскорблению дамы не было конца. Неловко скалambuривший художник не один раз сбе-

гал домой за водой, чтобы привести женщину в сознание, – она то и дело пыталась изобразить обморок.

Потом, в смущении скашивая глаза в сторону, пояснила, чего хочет:

– Мой внутренний облик нарисуйте, мою душу.

– Позвольте, но откуда мне знать, что у вас за душа? – возразил художник. – На вас столько одежды, что даже и рентген не просветит, а вы – душа!..

– Вы хотите, чтобы я позировала обнаженной? – ее губы начали нервно подрагивать.

– Что вы! Ни в коем случае, – испугался художник. – Может быть, все же в другой раз придете?.. У меня, знаете, совершенно нет времени.

– Да, но я приехала к вам с другого конца города!.. Неужели зря? – женщина так огорчилась, что художнику стало стыдно. Смахнув с плеча пару-тройку кошковых волос, скомандовал:

– Не двигайтесь! – и начал рисовать.

Внутренний облик... Вот задача! Больше всего художнику не хотелось обидеть женщину своим портретом. Кто знает, что ей нравится, а что нет! Внешне она такая большая и, наверное, того стыдится. Иначе бы попросила простой портрет. Что же делать?..

Вообще-то художник недолго размышлял. Карандаш уже сам озорно гулял по бумаге. Оставалось только наблюдать за ним. Когда был сделан последний штришок, художник что-то написал на листке и передал его своей неожиданной натурщице.

– Это я?.. – она порозовела, и кожа, без того с трудом обтягивающая лицо, казалось, стала еще тоньше и прозрачнее.

Художник даже закрыл глаза на всякий случай. Вдруг даме не понравилось и она наскочит на него с кулаками. Секунда, другая... Тишина. Осмелившись, художник приоткрыл один глаз: прижав к груди листок с рисунком, женщина так быстро, как только могла, удалялась от него.

– Пойдите! – крикнул он, желая узнать, угадал ее внутренний облик или нет. Но, услышав его окрик, она лишь прибавила скорость.

Вот и гадай... То ли оскорбил человека, то ли наоборот. Потому художник всегда скрывался из виду, когда на горизонте появлялась подобная угроза. К тому же нужно было побереечь время для своей картины...

Лучшие утренние краски с нежными всполохами света для настроения легкости и детского времени, когда день, кажется, длится чуть ли не год, вмещая в себя столько чудесного. Полу-

денная уверенность тени, вливающаяся в умиротворение и спокойствие жизни. И, наконец, мягкий вечерний ветерок, придающий теплый, пряный привкус свободы.

Ничего нельзя упустить!.. Улыбку кошки, вызванную солнечным зайчиком. Он нарисует ее свернувшейся калачиком на крыльце. На таком щербатом, улыбающимся прорезью щелок крылечке. У забора притаится славный пес с ободраным в драке ухом. Капнуть на его рану каплю зеленки, чтобы не загноилась. Вот так!.. А в глазах – в глазах пса будет улица... Никакими красками не притушить суетный испуг, боль и обиду. Если только разбавить ее добрым поглаживанием по голове, звуком льющегося в миску молока и долгими разговорами, начатыми с простых слов: «Здравствуй, друг».

А еще... Ох, уже ночь. Она и так есть на картине – в виде черной, как сажа, кошки. И в глубине холодных сквозных дыр, отражающихся в глади воды. Значит, спать...

Так думал художник и частенько засыпал прямо у холста, успевая только присесть на стул. Но иногда, прогоняя сон, отворял настежь окно и ловил звездный и лунный свет, сочащийся на бумагу, так что художнику только и оставалось, что кисточкой разводить его и находить образы.

Шло время. Месяцы утренних красок... Снежинки ли, пойманные на лету, солнечные былинки. Незабудки у дома и толстые деревья, все в теплых морщинах – извилистых, мудрых улыбках.

Картина была закончена. Стылым зимним днем художник нарисовал последнюю иголочку пушистой ели, возвышающейся над лесом, и понял: всё, больше добавить ему нечего.

– Кошка, кошка, я закончил, – сказал художник своей подруге, прячущейся от снега под чьей-то машиной. – Пойдем котлетами угощу!

Зырякая, как только она и умела, кошка горделиво подошла к художнику и, запрыгнув на руки, долго терлась о его щеку, вымурлыкивая свою благодарность. Она ведь тоже давно ждала, когда картина будет написана.

Городок, в котором жил художник, был маленьким. И весть о том, что картина, которую полжизни писал этот чудака, готова, очень быстро стала достоянием каждого горожанина. Казалось, даже голуби, насупив от холода глаза и вдавив свои многочисленные подбородки в шею, обсуждали пока еще никем, кроме кошки, не виданное творение художника.

– Вы слышали – художник закончил свою картину? – спрашивали друг друга торговки на улице.

Всколыхнулись даже в газете, и одна из пожилых журналисток, забродившая от времени и самодовольства дама, уже собралась нанести визит художнику, чтобы по достоинству оценить его труд.

– Он писал эту картину всю жизнь! – говорила она своим знакомым. – Наверное, изобразил на ней весь наш город! Может быть, каждый из нас увидит на полотне себя, ведь художник так часто гулял по нашим улицам.

Как же разволновались все!

– Мы должны купить эту картину и передать ее в городской музей! – заявил самый смешной и важный сотрудник администрации. – Художник беден, как мышь, и мы сделаем благородное дело! – кричал он где только мог, а люди кивали головами и довольно улыбались. Всем им очень хотелось сделать что-то доброе для этого смешного живописца, чаще разговаривающего с животными, чем с людьми.

– Он, наверное, очень одинок и несчастлив, – перешептывались соседки на улицах. – Вот увидите, он изобразил Мадонну или какую-нибудь языческую богиню!..

Пока город гудел, художник, ни о чем не подумывая, сидел в комнате и смотрел в окно. Он знал, что если обернется, то увидит свою картину.

Он мог бы узнать каждый день. Каждый вздох кисти, погладивший в свое время холст. Каждую кошкину обиду, выглядывающую из-под прищуренных век. И, конечно, себя самого. Да, его не видно, ведь сам он в доме. Сидит за столом, смотрит в окно и ждет вечера. Почему-то вечер кажется ему самым лучшим временем для приема гостей. Свет лампы, ласковая полутьма и сверчок, заставляющий темноту мурлыкать. Художник ждет стука, чуть слышных шагов, сонно вскинувшегося пса и голоса, пока еще чужого, просящего отворить двери.

Звук звонка прервал и прогнал все мысли. Кто-то настойчиво звонил в квартиру художника, и, похоже, уже давно.

– Ну здравствуйте, – всплыла в открывшуюся дверь дама. – Что это вы так долго не открывали? Чем занимались? – ее глаза – притупившиеся колбочки, плавающие в лужицах гноя, – близоруко ощупывали лицо художника. – Я из «Городского слова», редактор отдела культуры. Покажите уже свой шедевр.

При этих словах журналистка задрала голову, и ее подбородок выпятился вперед, да так смешно, что художник чуть не расхохотался. Этаким осьминог женского полу с подбородком-микрофоном самолично пожаловал в гости.

– Мой шедевр? – вежливо переспросил он. – Вы, наверное, ошиблись. В моем доме нет никаких шедевров. И не стойте, пожалуйста, на пороге, проходите, – предупредил он ее вторжение. Еще секунда, и она, не снимая обуви, гордо прошествовала в комнату.

– Так-так-так... Значит, вот это вы писали столько лет?

Редактор отдела культуры остановилась напротив репродукции картины Брейгеля «Вавилонская башня», сделанной художником еще в юности, и, покачивая плечами, выпячивая губы и одновременно поправляя очки, бросила:

– Довольно неоднозначно! Свежо! Что вы хотели этим сказать? Что пытались донести до зрителя?

– Простите... это не моя картина, – сказал художник.

– Не ваша? Чья тогда? Ну да ладно, это не важно. Если какого-то вашего товарища, то можете передать ему, что она недурна. Уж в чем-чем, а в живописи я разбираюсь! А теперь покажите мне свою картину. У меня, знаете, еще много дел!

Несколько смутившись от такого напора, скромности и грязных следов, оставляемых са-

погами гостыи, художник, не сказав ни слова, показал рукой на свою картину.

– Эта? Очень мило... Любовь к животным, отстаивание общечеловеческих ценностей, – вполголоса произносила она, выкорябывая что-то в блокноте. – А теперь скажите: вы, как художник, считаете себя ответственным перед людьми?

– Я?.. Э-э, нет.

– Как «нет»? Такого не может быть. Вы, наверное, не поняли вопроса. Каждый творец должен осознавать всю важность своих действий, он должен учить народ! Чему вы учите наш народ? – журналистка так подалась вперед, задавая вопрос, что стой перед ней кто-нибудь сейчас, она заколола бы его своим подбородком. – Ах, не отвечайте. Я и так знаю! Быть добрыми и великодушными. Ведь так?..

Художнику ничего не оставалось, как утвердительно кивнуть в ответ и подвергнуться дальнейшему допросу: сколько ему лет, был ли женат и что такое, по его мнению, расизм с нравственной точки зрения.

Когда дама ушла, художник почувствовал себя измученным до такой степени, что даже думать уже не мог. Одевшись, он выскочил на улицу и, выбрав самую нехоженую дорогу, напра-

вился в сторону старого парка. Но в тот день ему не везло. До парка он так и не дошел, хотя тот и был не слишком далеко от его дома. То и дело его останавливали незнакомые люди и спрашивали о картине. Некоторые поздравляли, трясли ему руку, просили разрешения навестить его.

– Тронут, тронут. Заходите, буду рад, – повторял художник, как заклинание.

«Не надо было никуда выходить!» – досадовал он. И, наконец-то добравшись до дома, преодолев не один десяток препятствий в виде горожан, закрылся в своей квартире и до самого позднего вечера вздрагивал от звонков в дверь.

Рано утром, когда рассвет еще только нерешительно мялся на пороге, художник вышел на улицу. Мягко-серые тени, обволакивающие город, пригладили взъерошенные со сна волосы, смыли сонную рассеянность с лица и пригласили пройтись.

Художник очень любил такие прогулки. Когда все еще спят и только птицы порой проносятся мимо, протрещав тебе «доброе утро!». Возвращаясь, он заметил письмо, лежавшее в почтовом ящике. Художник еще вчера удивился бы этому, ведь никто никогда не присылал ему писем. Однако ведь раньше никто и не приходил смотреть на его работы.

«Уважаемый Художник, просим вас 22 января в десять часов утра быть на заседании городского Совета, посвященного вашей картине, которую вы должны принести с собой. Просьба не опаздывать», – было написано в письме. «Сегодня как раз 22-е, – отстраненно подумал художник. – Кому какое дело до меня и моей картины, а, кошка?» – спросил он подругу, которая запрыгнула с улицы к нему на подоконник. «А если я не пойду?.. Но как-то неудобно... Со мной не хочешь пойти?» – серьезно спросил он хвостатую, на что она выразительно фыркнула, словно говоря: «Может, и схожу тебя проводить, ведь ты такой растяпа. Заодно на обратном пути купишь мне рыбки».

Ровно в десять художник стоял уже у старинного каменного здания, обкусанного по бокам плесенью. Отслушав удары башенных часов, толкнул дверь и вошел, обернувшись напоследок... Только мелькнули золотом кошкины глаза за сугробом. Проводила.

...Они все старались улыбаться. Только от этого становилось еще хуже. Если бы попытался улыбнуться мой мольберт, то у него это получилось бы добродушнее. Хотя, может, я придира-

юсь. В зале было душно. Они доставали платки, соскребали капли пота со лба и шеи и опять улыбались. Как мне хотелось уйти! Но мог ли я? Ведь все-таки они меня пригласили. Предложили присесть – я был рад. Волновали ботинки – старые, давно отслужившие свое, грязные. Я бы задвинул ноги за стол и забыл про них, только оказалось, что сесть мне было назначено на стул, который стоял посередине зала... Говорили они так долго, что легко можно было заснуть. Говорили по очереди, но одно и то же. О том, как все они любят наш город, сколько делают для него. И всё в этом духе. Потом попросили показать им картину. Пока я разворачивал ее, убаюканную старой курткой, чувствовал, как поскрипывают их мысли. То ли замереть от благоговения, то ли сморщиться. Бедные, им было сложно выбрать, поэтому они, улыбаясь, попытались и сморщиться, и выразить восхищение.

Никто не решался дать оценку первым. Потом самый маленький из них и важный вдруг как выкрикнет: «Это чудесно, как живое!» И всех будто прорвало: «Гениально, восхитительно, талантливо!»...

Что было дальше?.. Извини, я задумался. Дальше меня ждало самое неприятное. Они захотели забрать картину себе. Стали совать мне в

руки конверт, пожимать руки. Говорить, что покупают ее от имени всего города, и отныне она будет храниться в музее.

– Неужели вы не хотите, чтобы ваша картина висела в музее?! – допытывался у меня коротышка, а я все молчал. Ну не мог же сказать ему, что нормальные люди в музеи не ходят – им некогда. Что никогда не забежит в музей веселый мальчишка и не попытается пальцем потрогать бугорок краски. Поэтому я просто молча ушел.

Прошло два дня или три. Не помню точно. С тех пор даже в магазине на меня смотрят, как на врага или вора. В глазах одна колючая блеклость у всех. Отчего им нужна моя картина? Я вскормил ее жизнью, я дышал ею много лет. Так почему же должен отдавать ее городу?..

Да-а... На предложенные деньги я мог бы построить дом. Подальше отсюда. Я бы выбрал место, и все там было бы, как на самой картине. Но тогда бы пришлось продать самого себя, а я не могу сделать этого.

Ты спрашиваешь, где картина теперь? Я ее отдал. Да-да, не удивляйся. Когда я возвращался домой, то увидел плачущую девочку. Оказалось, что она потерялась, давно замерзла и хочет есть. Я взял ее за руку и проводил до дома. Чтобы утешить, рассказал про тебя. И показал ей картину.

Не поверишь, но она тут же перестала плакать, все водила пальчиком по ней, и ты ей очень понравилась. Вот я и отдал ребенку картину. И не жалею нисколько. Зачем она нам теперь? Лучше нарисуем тебе мышек. Много-много. Целый мышиный город! Только ты их не ешь. Я дам тебе молока.

Эпилог

С приходом весны художник покинул город. Больше его здесь никто никогда не видел. Но вспоминали о нем, напротив, часто. Зная, что художник ушел с пустыми руками, долго искали его картину, но ничего не нашли. Правда, сумели отыскать пару эскизов, которые тут же и передали музею. И если кто-то заглядывает в него пару раз в год, то в первую очередь видит рисунок большого слоненка, который, улыбаясь, держит хоботом тонкую цветущую розу. А под слоненком написано: «Душа находится в цветке».

Вместе с художником пропали из города черная хвостатая кошка и хромой пес с ободраным ухом. Правда, их исчезновения никто и не заметил.

Рыба

Тает снег. Дашка в красном пальтишке с большими пуговицами несется к реке. Прямо по грязи, которая разлетается во все стороны, успевая замызгать ее саму. А Дашка и не замечает. Глотает на бегу свежий воздух и, задыхаясь от раннего весеннего счастья, спешит запустить свой первый в этом году кораблик.

У Дашки на лбу большая клякса. В школе писали диктант, и как-то незаметно Дашка мазнула по лицу ручкой.

Вот уже виден берег маленькой речки Пичужки. Устав, Дашка переходит на шаг. В кармане у нее лежит заветный кораблик. Его еще зимой выстругал дедушка. Дашка помнит, как он подслеповато подносил к глазам деревянные брусочки, склеивая их друг с другом, и говорил ей: «Вот это у нас фок-мачта, это корма, это шангоуты».

А паруса они делали вместе. Разрезав белую дедушкину майку, сшивали лоскуты и приклеивали их к тоненьким жердочкам.

Достав кораблик, Даша долго глядит на него. Все-таки красивым он получился! Интересно, куда же он поплывет? Дедушка говорил, что все корабли стремятся к Тихому океану. Вот здорово, если бы и ее кораблик добрался туда.

Зайдя на два шага в реку, Дашка тут же промочила ноги, только не обратила на это никакого внимания. Еще мгновение, и она, вытянув руку, положит кораблик на воду, отпустит его. Дашка словно слышала сейчас дедушкины слова: «Самое важное – это не построить корабль, а выпустить его на свободу».

Она раскраснелась от волнения. Сорвав с себя шапку, чтобы не помешала смотреть, как поплывет корабль, Дашка сунула ее в карман да так и остановилась.

На нее из воды таращилась рыба! Сама маленькая, величиной с ладошку, только вот глаза... выпученные и большие.

Дашка испугалась и спрятала кораблик обратно в карман. Ей очень не понравилась эта рыба. Недобрым был ее взгляд – живой и пытливый, он словно пропитался недовольством и даже злобой.

Попятившись, желая отойти от воды подальше, Дашка потеряла равновесие и упала. И каков же был ее ужас, когда рыба – а она, не отрываясь, глядела на Дашку – начала громко смеяться.

Размазывая по лицу грязь, Дашка расплакалась. Продолжая смотреть на нее, рыба выпрыгнула на берег.

– Отдай мне корабль, – сказала она.

При этом Дашка могла поклясться, что рта рыба не открывала. Слова раздавались в голове самой Дашки.

«Зачем ей мой кораблик? – утопая в отчаянном страхе, подумала Дашка. – Зачем?..»

– Это не важно. Взамен ты получишь награду.

– Ничего мне не нужно от тебя, противная рыба, – выкрикнула Дашка.

– Ты думаешь?.. – неожиданно мягким, ласкающим слух голосом возразила та. – Хочешь, я сделаю так, чтобы Оля хуже всех написала диктант?

Дашка больше всех в классе не любила Ольгу Самойлову. Как бы она ни старалась, а Оля всегда получала более высокие отметки. И таких нарядных платьев, как у Самойловой, в школе ни у кого не было.

Да, но кораблик!.. Они ведь с дедушкой так ждали этого дня! Так хотели, чтобы Дашка выпустила его на свободу!

– А еще я могу сделать, чтобы Ира и Валя стали твоими подругами, – добавила рыба.

Ее тонкий рот прогнулся в улыбке, и Дашка испугалась бы этого зрелища до потери сознания, только она ничего не заметила. Слишком уж сильно хотела, чтобы старшие девочки, главные модницы улицы, приняли ее в свою компанию.

Что там кораблик! Они с дедушкой еще делают! Хоть десяток.

– Забирай, – сказала она рыбе.

– Нет, ты должна сломать его. Только тогда я выполню обещанное, – и, взглянув на Дашку в последний раз, исчезла.

Сломать кораблик?.. Как можно?! Но... ведь никто не узнает. Зато Ира и гордая Валька сами позовут ее играть с ними!

Дрожащими пальцами Дашка начала выдерживать паруса. Кораблик не хотел ломаться, заботливо склеенные дедушкой брусочки не желали расставаться друг с другом. Но куда им было устоять против нее!

Дашка вернулась домой уже вечером. Устала, с трудом волочила ноги. Невыносимо тяжелым вдруг оказался школьный портфель, неудобными сапоги, да и на улице внезапно похолодало. Солнышко, еще такое непостоянное, скрылось

из виду, и тающий снег превратился в ломкий колючий лед.

Зайдя в дом, Дашка подивилась, как тихо в нем было. Мама уже пришла с работы и сидела на кухне. Увидев вошедшую в комнату Дашку, она подняла на нее печальные глаза и сказала:

– Даша, дедушка умер.

Портфель выпал из рук. Подойдя к маме, Дашка уткнулась лицом в ее волосы и тихонько заплакала.

С тех пор прошло много лет. Дашка выросла и стала совсем взрослой. И зовут ее теперь вовсе не Дашкой, а Дарьей Максимовной. Говорят, что она неплохой человек. Только вот глаза ее всегда холодны и колючи. Как лед, как весенняя вода, как рыба кровь.

Голубое и зеленое

* * *

– Сделай все так, как тебе кажется верным, – мягко сказал Андрей, привалившись к стене. «Мне все равно», – чуть не слетело с губ, он вовремя спохватился, заглушив неосторожные слова затянувшимся безмолвием. Все ждали хоть какого-то его знака, но он лишь молчал.

– Сынок, говорят, это лучшее, что есть. Может быть, там тебе полегчает, – мама откинула волосы с его лба и, проведя пальцем по носу, легонько щелкнула по нему. В детстве Андрей всегда смеялся, когда она так делала. Сейчас же не издал ни звука и даже не улыбнулся. Отвык наверное.

– Там очень красиво, – пискнула младшая сестренка Анька. – Я видела на картинках, что там все зеленое и голубое, а еще... Ну что, мам? Мне опять пойти поиграть?..

– Нет, иди ко мне, – Андрей подозвал малышку и прижал к себе. – Может, вместе поиграем? Скажем, в города. Я же учил тебя... Помнишь столицу Голландии?..

Родители незаметно вышли из комнаты, можно было расслабиться.

– Ты не обижайся на маму, Анют, – прошептал на ухо сестренке Андрей. – Правда видела на картинке, как там красиво? Ну-ка Расскажи, мне же так нравится тебя слушать!..

В соседней комнате у окна, затоптанного дождем, стояли родители. Кажется, дождь пробил стекло и добрался до маминых щек. Андрей бы утешил ее, если бы мог, только откуда он мог знать, что она плачет, когда сидел за стеной и слушал про место, где все голубое и зеленое, где ему должно было стать лучше?..

– Голубое небо и ни одного барашка на нем!

– Совсем ни одного? Так ведь это скучно!

– Ничего не скучно. А внизу все яркое и такое зеленое. Вдалеке высокий дом. И много большущих деревьев вокруг. Папа говорит, что если ты поедешь туда, то мы станем часто-часто к тебе приезжать! Я бы хотела там побывать, – серьезным голосом, в котором затаилось столько еще детской хитрости, рассказывала сестренка. – Ты поедешь, Андрюш?

«Это она, подражая маме, стала так меня называть. Какая же она еще маленькая...» – думал Андрей, прижимая к себе сестренку, чувствуя себя в этот момент самым сильным, способным защитить ее от всех бед.

– Поеду, раз ты хочешь. А теперь все-таки назови мне столицу Голландии. Город, утопающий утром в туманах, которые за ночь надышало море.

* * *

...Голубое и зеленое... Когда я спрашивал Аню про Амстердам? Неделю или месяц назад?.. Не знаю. Здесь легко потерять дни. Так далеко от дома... Вчера плакала мама или в прошлую среду? Давно ли Аня, потеряв старую свою обезьянку, которую я подарил ей на день рождения, размазывала по лицу мокрую пыль, забравшись под кровать?..

– Андрей! Сейчас время групповой терапии. Кажется, вы забыли об этом? – прижался вдруг к уху мягкий и влажный голос профессора.

– Извините, задумался. Сегодня я возьму красный карандаш...

Групповая терапия заключалась в том, что жители дома (который показался сестренке

таким высоким) сообща рисовали что-то, буквально касаясь друг друга локтями. Только в зависимости от настроения карандаши у всех были разные. Чаще я брался за голубой и рисовал небо, населяя его животными. Водил карандашом по бумаге и представлял ягнят и барашков. В отличие от сестренки, которой нравилось безоблачное небо, пустой небосвод нагонял на меня тоску.

– Почему красный? Отчего сегодня вы взяли красный? – сосед, сидевший справа от Андрея, напряженно склонив голову, ждал ответа. Его звали Владимир, и он очень редко обращался к кому-то.

– Ну, наверное, мне так захотелось. Причина лишь в этом, – шепотом протолкнул ответ Андрей, не желая привлекать к себе внимание профессора еще раз.

– Нет, вы скажите, почему захотелось именно сегодня?! Десятки прошлых дней, так же, как и вчера, вы просили дать голубой или зеленый, а сегодня вдруг красный!

– А разве вас это касается?

– Разумеется! Я не спрашиваю, что вы рисуете, потому что до того мне нет никакого дела. Долгое время я прорисовывал город. Холод подземных переходов, оторопелое дрожание ли-

стве старых, изжеванных временем деревьев. А еще приглушенное мерцание фар и неоновых ламп. Красный цвет вашего рисунка убьет всю гармонию моего!

– Ну что вы пристали к человеку? – подал голос сосед Андрея с левой стороны. – Это вы только думаете, что рисуете теми карандашами, которыми хотите. На самом деле все они простые и оставляют на листе только серые полосы, – тихо усмехнулся он.

– Кто вам сказал?! – прокричал Владимир. Его слова будто застыли в воздухе, поддерживаемые всеобщим напряженным молчанием.

– У нас проблемы? – вкрадчиво заходил по комнате голос профессора. – Владимир Николаевич, вы устали от этих занятий, хотите отдохнуть? Нет? Тогда, пожалуйста, не отвлекайте товарищей.

Андрею показалось, что сердце соседа лихорадочно заколотилось в груди, подобно мухе, что в страхе ударяется о стекло, истерично жужжа. Владимир, вцепившись в карандаш, увенчанный квадратом, обозначающим фиолетовый цвет, пообещал больше не шуметь. Сжав его, словно оружие, принялся рисовать. И только на мгновения, когда блеснули глаза серебряными бликами, Андрей увидел его рисунок: корявые

разноцветные линии, наклепленные друг на друга, штрихи и людей-чертиков... «Какой жалкий рисунок, но все-таки разноцветный», – подумал он про себя, прошептал Владимиру:

– Вы не думайте, что это правда насчет серого. У вас уютный и вовсе не серый город. Я видел...

– Я знаю – вы лжете, но все равно спасибо. Можете звать меня Володей, – откликнулся он минут через пять или, может, десять, когда Андрей дорисовывал алую головку мака, растущего на зеленом-зеленом лугу.

Пожав плечами, Андрей промолчал, но потом все-таки добавил:

– У вас на руке выколота цифра девять, а я никогда не вру.

После этих слов, приподнявшись, попросил проводить его в свою комнату. Уже в одиночестве, сев на кровать, долго дрожал. Кураж кровью метался внутри – радостное возбуждение, вызванное тем, что не смолчал, постаравшись утешить человека, недолго владело Андреем. Быстро пришел страх, затем вина и воспоминания...

– ...Мама, а какое сегодня небо? Представляешь, я совсем не помню, каким оно бывает осенью...

– Серое, Андрюш. Ты еще будешь видеть, все пройдет со временем, – говорит мама, стараясь голосом не выдать слез.

Только я не слышу ответа, глядя на то, как она постарела. Глаза все в прожилках, словно в шрамиках. Сколько в них боли и жалости! А небо и правда серое. Еще немного, и серебро в маминых глазах тает и привычный мрак накрывает до следующего раза, когда я специально доведу кого-нибудь из родных до слез.

Разревевшаяся от рассказанной сказки сестренка. Самые грустные и жалостливые истории я рассказывал Ане, долго любуюсь ее ладошками. Тогда казалось, что пока они такие вот крохотные и ладненькие, я и сам недалеко от детства ушел. А это значит, любые чудеса возможны, и моя слепота пройдет, слезет, как короста зажившей болячки.

– Андрей, вам нехорошо? – в комнату, постучавшись, заглянул старший врач. – Вы ушли с занятий. Что-нибудь не так?..

– Нет, все хорошо. Захотелось побыть одному. Вы не будете против, если я день-другой проведу здесь? Большое спасибо!..

Когда вокруг бесконечная мгла – время теряется. Так час иногда тянется, словно вечность, а неделя проходит, как день. Только свет раскра-

шивает жизнь и оживляет время, которое без него пусто и обезличено. Андрей не знал, сколько пробыл в одиночестве. Но, наверное, долго. Слишком чужим он себя почувствовал среди других, когда вновь начал посещать тренировки и занятия. В жизни бывает нечасто, когда по-настоящему чувствуешь правду метафор. Как-то шел по улице Андрей, задумавшись, и вдруг собака залаяла. И накрыло испугом так, что воздух из ног ушел и они вправду ватными стали. До этого сколько раз употреблял это выражение, а оказывается, никогда по-настоящему его не переживал. Вот и сейчас только и смог понять, что значит словосочетание «колючие взгляды». Будто ты в темноте, вокруг много-много дверей, и за каждой стоит кто-то, неодобрительно на тебя смотрит, и никуда не деться. Все тебя видят, знают за тобой что-то плохое, но не говорят, и только тебе не известно, что ты такого умудрился натворить.

«Ну что такое?! – кричал Андрей мысленно. – Что я сделал или чего не сделал?»

Ответ пришел довольно скоро, когда рядом не оказалось никого из врачей.

– Ты зрячий? – без приветствия и прочих ненужных вежливостей ткнул в него пальцем Владимир. – Как ты узнал про наколку?

– Я не псих, чтобы, имея возможность видеть, проводить время в окружении слепых, – грубо ответил Андрей, растерянный и немного напуганный. Зачем тогда он дал знать, что увидел по-настоящему?.. Как глупо!

– Тогда объясни, как ты мог видеть? Тебе становится лучше здесь, лечение помогает? – спросил кто-то, чей голос не был знаком Андрею. И столько надежды слышалось в нем, столько неизбыточной тоски по свету, который так близок и так недоступен, что соврать невозможно.

– Вряд ли кому-нибудь из нас смогут помочь. Только если случится чудо. А я, наверное, на самом деле псих....

И Андрей рассказал. И про слезы родных, вызванные его словами. И про то, что даже вдали, когда кто-то из близких плачет, он видит его, пусть даже пару мгновений.

– Когда погибаешь от темноты и от желания увидеть хоть что-то, то доводишь человека до слез и видишь лишь несчастье, тоску и боль. Если бы я видел, когда кто-нибудь смеется, а не плачет, я пошел бы в клоуны и, выделывая нелепые трюки, видел бы лишь веселых детей, хлопающих в ладоши. Только ведь они смеялись бы надо мной, и больно было бы лишь мне. Правда?..

Все молчали. А потом тот, кто на рисовании сидел от Андрея слева, произнес:

– Скажи, как я выгляжу? На кого стал похож?..

Его глаза блестели, и, прежде чем честно ответить ему, Андрей понял, что, наверное, никогда не вернется домой.

Как падают орехи

Мы сидели друг против друга в старом вагончике и уже часа два как молчали. Стояло дремотное марево июльского времени. Я смотрел на заспанное лицо Эха и думал, что, наверное, хочу есть, но по такому зною забыл об этом.

По стеклу запыленного окна полз паучок. Оно было совсем небольшим, только паучок уже целую вечность пытался его пересечь. Пока он полз, я все думал и думал. Хотя если бы спросили, о чем, не смог бы ответить.

Когда-то у меня была жена. Она смеялась так, словно боялась, что кто-то услышит и упрекнет ее.

Один раз в жизни она и смогла рассмеяться, не пряча своего счастья. Гордо и одновременно кротко прозвучал ее смех, когда в палату сестра занесла нашего сына, и он, красный и задыхаю-

щийся от плача, потянулся к ней, растопырив свои сморщенные пальчики.

Когда-то, уже в другой жизни, я видел, как падают огромные орехи с высоченных деревьев. Они долго висят без движения, мертвые и угрюмые, облаченные в громоздкую скорлупу. По году, а то и два медленно зреют. И ты никогда не предскажешь, когда вдруг с тяжелым гулом они неуклюже понесутся к земле и, расколовшись, обнажат свою нежную и мягкую плоть.

Люди, живущие подле этих деревьев, говорят, что вся жизнь заключается в этом полете и в этом падении. Только сначала ты раскалываешься, а потом летишь.

Стекло меж голубоватых рам было разорвано чьим-то ударом. Мелкие трещины, по которым полз паучок, наверное, напоминали ему паутину.

Далекий отклик городских курантов четыре раза отозвался в моих ушах. Оставалось еще несколько часов до прохлады, которую приносил синий вечер.

Эхо, уткнувшись подбородком в колено, искоса глядел на меня. Ему не мешало бы причесаться, и он знал об этом. В кармане потертых штанов лежала расческа. Но чаще доставал он ее лишь затем, чтобы, улыбнувшись уголком рта,

поднести ко рту и проиграть неизвестный грустно-странный мотив.

У него удивительные зрачки. Иногда они меняют свой цвет и становятся то желтыми, то зелеными. Порой они кажутся голубыми, хотя чаще – вовсе бесцветными.

Вот уже несколько лет я знаком с Эхо. Его отличает одно из самых дорогих качеств: он умеет слушать и не любит говорить сам.

Вот и сейчас, теребя звуками плотность пространства, я начну рассказывать ему про орехи, которые все никак не достигнут земли. Каждый день, говоря это, я просто не могу удержаться. Ведь в полете орехи совсем одни и, может быть, вовсе не знают, что летят, а если и понимают это, то вдруг думают, что они птицы?

– Понимаешь, ведь больно будет не падать и разбиваться, – скажу я и шмыгну носом. – Были птицами, а стали орехами... Ну как это пережить, а?..

Спрошу Эхо, а он не ответит. Только дико скорчит лицо, из глаз его вытечет весь цвет, а я сделаю вид, что ничего не заметил.

Как все-таки невыносимо жарко. Медленно забирается в голову сон. Последние часы солнца, как смола, притягивают тебя к одному месту.

С трудом разлепив уже сомкнувшиеся веки, я ищу паучка. Но где там!.. Он такой маленький. И все-таки пересек бесконечное для него окно, потому мне его теперь не найти. Да и не нужно, ведь вечер уже пришел.

Кивнув Эху, я вышел на улицу. Разноцветные огоньки на синем уличном фоне.

– Здравствуйте, милая барышня!.. Ах, добрый вечер, молодой господин!..

Я буду улыбаться всем встречным детям, а увижу их я немало. Будучи главным дворником города, а им я назначил себя сам, стану долго мести мостовую, и мимо пройдет не один десяток смешных и милых ребят.

Кому-нибудь обязательно расскажу сказку, когда присяду на лавочку передохнуть и, достав из кармана булку, подзову голубей. Они не заставят себя долго ждать. Старательно станут молотить клювами руку. А я, тихо разделяя каждое слово, примусь рассказывать малышам дивные истории. Потом, раскрошив остатки хлеба, наполню одну из детских ладошек крошками. И звонко будет звучать тихий и гордый смех ребятни, улыбками раскроются лица, а я в это время не отведу от них глаз. Ни на минутку не отведу.

С темнотой придет ночь. Площадь, чистая и пустая, как убранный перед отъездом дом, будет

оставлена мной. Шаг за шагом доберусь до вагончика.

– Как думаешь, Эхо, долго мне еще падать? – спрошу друга и, не дождавшись ответа, засну.

И не увижу, как смотрит луна в окошко, как отражаются ее лучи в старом зеркале, стоящем напротив моей кровати. Не услышу я и тихий свист паровоза, мчащегося по путям. Я буду спать и во сне слышать, как смеется моя жена.

4-й сектор

Косая рама, перекошенный взгляд окна на восьмой этаж, где лишь закрытая дверь, запрещающая вход посторонним, и люк над головой, тоже украшенный массивным замком.

– Не выбраться, – сморщились губы, – ну и не очень надо. Куда рваться?..

Прижавшись спиной к стене, Гошка закрыл глаза. Здесь его никто не сумеет увидеть, и можно бездну времени, целых минут пять, не заталкивать в глубь себя слезы.

Нет, не плакать. Просто не прятать свое несчастье. Здесь можно даже головой о стену побиться, правда тихонечко, чтобы не услышали.

Почему-то за все два года, что Гошка прожил в этом огромном доме, он ни разу не поднимался сюда – не догадывался, что ли?

И вот черно-белый многоквартирный мир раскинулся перед ним под звуки старого скрипичного ветра.

Въехала во двор машина. Елозя колесами по снегу, она оставляла после себя серые вмятины. Пролетела птица, черной точкой отбивая невидимые фразы, исчезла за большим домом. Прошла мимо бабушка с внучкой. Девочка в красной курточке издалека казалась неповоротливой яркой бабочкой.

– Славная какая, – подумал вслух Гошка и понял, что пора идти. Его скоро хватятся.

Седьмой, шестой и вот четвертый этаж – налево по коридору, минуя два кабинета, и он у себя.

Двое соседей – делают ту же работу, что и он. Только они роботы, а Гошка живой.

И трудится здесь лишь из милости. Правда, получает гроши. Но зато может жить тут, вовсе не покидая здания. А это очень много, когда тебе только шестнадцать лет и ты один на свете.

– Го-шка, – отдельно проговорил Круглоглаз (вообще-то оба робота были одинаковыми, но Гошке казалось, что у того, который сидел по левую сторону, глаза были чуточку шире), – тебя не было лишних две минуты пятьдесят три секунды. Об этом я обязан доложить Старшему.

– Хорошо, – привычно ответил Гошка и сел за работу. Каждый день он должен был сочинять по две сказки. Так же, как и его соседи.

– Это легкая работа. Мальчик справится, – будто оправдывался социальный работник перед начальником отдела.

– Есть стандартные формулы. Нужно только каждый день подставлять разные значения – ну ерунда и только, – шептал он и все оглядывался на Гошку, сидящего неподалеку в ожидании своей участи.

– Ну некуда деть пацана! Пусть зарабатывает на жизнь, трудится вместе с роботами. А иначе куда его? Утилизировать по норме? За ним ведь никого! Так жалко же...

– Жалко, – подтверждал второй, но продолжал возражать: – Не мы же законы придумываем. Сказано: нельзя людям выполнять столь бессмысленную и легкую работу, значит, нельзя. Решили, что сирот в нашем государстве не должно быть... значит... утилизировать. Был бы он малышом – проблем бы и не возникло. Нашли бы ему родителей, и все дела. А он ведь уже совсем взрослый! Не-пе-ре-вос-пи-ту-е-мый, понимаешь?.. Такие и становятся врагами, мстят всем за свое несчастливое детство, – убедительно внушал второй первому.

Гошка долго тогда их слушал и молчал. Можно было бы попробовать убежать, укрыться в подвалах, в которых он большую часть жизни

прожил. Только сил не было. Замерев на стуле, Гошка смотрел, как выползают из-под его ботинок грязные лужицы. Как с оттаявшей куртки медленно стекают на пол мутные капли.

Здесь было тепло, а он так устал. И пусть ему всего лишь четырнадцать и кому-то кажется, что это еще не срок. Только чувствует себя Гошка на все сто четырнадцать. И сейчас ему все равно, о чем говорят эти люди.

– Да, он умеет читать и писать. – Откуда? – Бабушка научила. – Где она? – Умерла. Давно. – Что он знает о роботах и законах? – И те и другие никогда не ломаются. И не умеют плакать.

Последнее Гошка добавил, отвечая на вопросы первого, заметив, с каким неудовольствием тот разглядывает закапанный грязью пол.

– Слабо развит, конечно. Да не в президиум же его сажаем. Эх, черт с тобой! Определяй в 4-й сектор к роботам. Пускай сказки множит, – выдал, наконец, приговор второй.

Сказки... Гошка помнил, как их рассказывала бабушка. Она для этого никогда не отрывалась от дел.

Жили они в старом-престаром доме. Таких давно уже нет. Его долго не решались трогать.

Когда-то очень давно он принадлежал какому-то известному писателю, прославившемуся на весь мир. Гошка ничего не знал о нем. Неоткуда было. Потому что его бабушку меньше всего на свете волновали люди. О них она и не говорила никогда. Вот и в сказках ее главными героями были хлеб и вода, старая настольная лампа и веник.

И в который раз Гошка невольно ушел головой в эти сказки: послышался сердитый, как надкусанное и брошенное яблоко, голос. Вспомнился привычный полумрак дома, в котором еще до рождения Гошки кто-то заколотил досками окна. Показалось, что даже запахло в кабинете отсыревшими досками – так пахнут детские тайны, заброшенные свалки и стройки.

...Жил себе поживал молоденький кусок хлеба. Целехонький он был. С золотистой корочкой и коричневой крепкой горбушкой. Проснет-ся, бывало, утром, вдохнет ясного ветра – да и выдохнет обратно, отправив на поиски счастья. Уж очень счастливым хотел быть. И, страшно сказать, верил, что счастья достоин. Долго его поучала вода, живущая в кране, что не стоит расходовать себя:

– Нельзя выпускать ветер, не каждому дано им дышать. Берег бы, глупый.

Хлеб лишь смеялся в ответ на это. Весь ладный, крошечка к крошечке, он сомневаться не умел и своим мыслям цену большую давал.

Уж и веник его вразумлял:

– Не выделяйся, мальчишка! Знаешь, сколько я вымел на своем веку?..

Тут он запинаясь и, недоговорив, вздыхал: «Счастья он ищет... одно слово, дурак!..»

Больно ладным был хлебушек, порой пусть невольно, а нравился.

И вот однажды все переменялось. Просыпается хлебушек, вдыхает ветер, а выдохнуть не может... И так силится, и эдак, но ничего у мальчика не получается.

– Что же это случилось? – кричит на всю кухню так громко, что высовывается вода из крана, да и замечает, что откусил кто-то кусочек от искателя счастья.

– Радуйся, что не съели, – буркнул веник. – Поживешь еще. Тут вон всю хлебницу опустошили. Столько, пока ты спал, выметать пришлось крошек, – сказал старик и даже не запнулся на последнем слове, которое раньше с трудом давалось ему.

С тех пор понял хлеб, что надо таиться, чтобы не проснуться вновь укороченным. А счастье?.. Возможно ли оно, когда так много ему подобных на свете?.. Все ведь не могут в радости жить.

Со временем хлеб вовсе улыбаться разучился. Да и некогда ему было, все свои крошки пересчитывал, втягивал голову в плечи. Так и засох. И никто не съел бедолагу, выбросили в мусорку.

– Вот и подумай, Гошка, прежде чем откусывать от хлеба кусочек. Хорошенько подумай, – поучала бабушка. – Хлеб-то выкидывать – грех большой. Раз надкусил, съедай его целиком!

Только вот Гошка после этой сказки хлеб вообще в рот брать перестал. Жалко было... За хлебушек тот из сказки обидно.

Что уж и говорить, часто вспоминал Гошка эту сказку. Вот и сегодня она сама собой всплыла в памяти, когда окно показало ему одинаковые коробки домов с жадными до надежды глазами. Как отмахнуться было от мысли, что в каждом доме – уйма квартир, в которых по нескольку комнат, и во всех живут люди, которые мечтают о счастье? И та девочка в красной куртке, похожая на неуклюжую бабочку, тоже ведь достойна самого лучшего в мире. И как он, Гошка, может надеяться, что все у него будет хорошо?

Когда-то давно, слушая бабушку, он думал, что хлебушек был счастливым по-настоящему, когда выдыхал из себя ветер и ничего не боялся. Только не понимал этого. Может, вот и Гошка не осознает, что еще счастлив?.. Нет... Скорее уж та

девочка. А он боится за себя и даже в кабинете с двумя роботами не позволяет себе плакать.

– Эй, парень, чего ты?.. Тебе плохо?

Гошка вздрогнул, когда кто-то тронул его за плечо. Отняв руки от заревавшего лица, он увидел Круглоглаза, участливо смотрящего на него.

– Ты чего, парень? – повторил тот, и это было последнее, что услышал Гошка, прежде чем потерять сознание.

Очнулся Гошка уже вечером – в помещении для роботов. Мертвели фонари за окнами, рассеивая призрачный свет. Негромко переговаривались люди.

– О чем были твои сказки сегодня? – посмеиваясь, спрашивал темноволосый очкарик одного из соседей Гошки.

– О-о... О пользе кошачьих консервов, дружище. Знаешь ли, кошка наелась мыльных пузырей и стала икать разноцветными мышками. Да такими красивыми и аппетитными, что, засмотревшись на них, захлебнулась слюной.

– Кошмар какой, – передернул плечами робот с пятого этажа, с которым Гошка часто сталкивался, когда слонялся по зданию в свободное время.

– Кажется, парнишка ваш проснулся, – сказал он, заметив на себе Гошкин взгляд.

– Наш маленький робот? – дружно, будто по команде, разулыбались сказочники.

– Я не робот, – прошептал Гошка. – Живой, – добавил он и аж зажмурился, когда все расхохотались.

– В 4-м секторе нет ни одного робота, – доверительно сказал темный очкарик. И только такой маленький дурачок мог два года прожить рядом с людьми, принимая их за машины.

– Честно говоря, мы думали, что робот – это ты. А сегодня вот ты нас в том разуверил. Роботы ведь не плачут, – сказал один из соседей Гошки, а потом добавил: – Да и в обморок не грохаются.

– Значит, вы близнецы? – спросил он, уже зная ответ.

– К счастью, да, – ответил Круглоглаз. – Так легче притворяться роботами. Для жизни в нормальном обществе мы непригодны. Я дальтоник, а это считается, если ты не знаешь, признаком ненормальности, ведущим к озлоблению индивида, наделенного таковым врожденным дефектом. Круто, правда? – он улыбнулся одними глазами, и Гошка увидел, что они очень теплые и добрые.

– Я эту формулировку с детства выучил наизусть. Так бы и утилизировали, да вот повезло... Вовремя с братом сюда попали.

Весь вечер слушал Гошка истории обитателей 4-го сектора и с горечью вспоминал, как бродил он ночами по зданию, трогал руками замки на дверях и не заглядывал лишь на первый этаж, куда после работы спускались все роботы. Тогда Гошка со страхом представлял, как они медленно, вереницей проходят в зал, встают в строй и замирают, ожидая нового дня и новой работы с открытыми и невидящими глазами.

– Завтра будет новый день, – пробормотал Гошка засыпая. Впервые за долгое время он чувствовал себя счастливым. Рядом были живые люди.

– Роботов не бывает, есть только надкушенные люди, – проговорил он уже во сне, но его никто не услышал.

Лунный свет, заглянув в окошки, высветил застывшие лица людей. Казалось, они спали. Только глаза у них при этом оставались открытыми.

Мотыльков надо кормить

Жизнь катилась неспешно к вечеру. Бледное солнце светило устало и обреченно. Оно совсем не грело. Я стоял и долбил лед. Это несложно. Но мне уже под шестьдесят, и каждое свое движение приходится зарабатывать.

Поднял лом, опустил лом. И так раз за разом. После десяти минут работы все прохожие кажутся мотыльками. Кем-то выдуманными, призрачными. Я ведь мотыльков в жизни не видел, а если и видел, то не знал, что это они. И всегда втайне думал, что их и не может на свете быть. Слишком уж слово нежное, невесомое, беззаботное.

И вот я стою, а мотыльки летят и летят. Изредка если только оглядываются на меня, да и это, наверное, мне только кажется.

В редкие минуты отдыха, когда прерываюсь, чтобы ссыпать серо-белые осколки в мешок,

одна и та же мысль мучит: зачем? Зачем скалывать лед? Кому он мешает?

Зажмурюсь, медленно выдохну. Потом разогну онемевшую спину, обязательно выпрямлюсь и поймаю догадку на вдохе: мотылькам.

Равнодушно вбирая в себя свет высоты, лед манит отражением солнца. Доверчивые летуны стремятся к нему, желая достигнуть звезд. И разбиваются.

– Жалко их, – бормочу про себя, прежде чем вновь поднять лом.

Кто-то ведь должен спасти мотыльков, даже если и в глаза их не видел.

Стылая площадь замерла под натиском ветра. Казалось, холодно было даже льду – он вжался в землю с такой силой, что пожилой уже дворник прощался с жизнью всякий раз, когда поднимал и опускал лом.

Через несколько часов состоится казнь, и старик должен поспешить. Надо, чтобы все было чистым, а иначе никакой торжественности не получится.

Двое молодых людей проходят мимо, и я слышу чуть глуховатый басок паренька:

– Ты знаешь, что он убил двух человек? Прокрался ночью в дом и зарезал жену и мужа.

– Неужели? – из вишневого рта вылетает одно только слово, словно по команде которого взмываются ресницы и распахиваются полные удивления глаза.

– Да, – голос юноши делается еще глуше, – говорят, что убийца ничего не взял: ни денег, ни драгоценностей. Что он просто убил их и всё.

– Ах, это ужасно. Скорей бы его казнили!

Девушка прижимается к спутнику, который вовсе теряет голос, начиная что-то бормотать.

Улица постепенно заполняется зеваками. Уже совсем скоро на место съедется местная знать. И каждый сановник скажет пару слов, длинных настолько, насколько влиятелен титул.

– Ты закрыл двери? – пухлая дама держится за рукав пухлого господина.

Оба в шубах из дорогого меха, очень модного нынче. Я так и чувствую, как сытно пахнет в их доме. Наверное, обед не обошелся без фаршированной утки, студня, нарезки из семги, заварных пирожных. А потом был, конечно, еще и сладкий, как кровь, кофе в фарфоровых чашках.

– Закрыл, дорогая – господин улыбается. – Однако можно было и не делать этого. Ведь сегодня казнь, на которую придут все горожане. Ни один воришка не усидит в чужом доме, – сказал он и, довольный, что так здорово пошутил, засмеялся.

– Мне жалко этого несчастного, – прошептала дама, и ее щеки скорбно поникли. – Давай не станем смотреть? – Вернемся, кажется, я забыла закрыть окно в нашей спальне.

– Несчастного?.. – изумился господин и даже остановился задумавшись. – По-моему, он просто безумец, а ты слишком добра и сентиментальна. Но если хочешь, мы вернемся. Тем более это окно...

Когда они уже уходили, старик, продолжавший делать свою работу, закашлялся. Его согнуло вдвое, воздух вылетал из груди со свистом, гораздо легче, чем откалывался лед с мостовой.

– Мама, осторожнее, здесь скользко.

Девочка лет десяти ведет за руку высокую женщину с очень бледным лицом, с которой случилась беда. Может быть, при рождении, а может, совсем недавно она лишилась зрения. Глаза ее прикрыты плотным слоем кожи. Так, как если бы она была свечкой и потек воск да и залил лицо. Некоторые прохожие, увидев ее, отводят в сторону взгляды. А одна из девушек даже незаметно стучает себя ладошкой по носу. Вроде как от себя подобное отводит. Видели, как порой собака трет лапой морду? Она-то блох сгоняет, а проходящая, видимо, мысли.

– Дома горячий чай и осталось еще немного муки, – судорожно сглатывая слова, тархтит девочка.

У нее нет перчаток, руки обветрены. Нос облуплен и красен. Потрепанная и засаленная кофта совсем не защищает от ветра, видна голая и такая беззащитная шея.

– Пожалуйста, идем быстрее. Еще чуть-чуть, и здесь будет не пройти, – говорит она маме, которая и так старается.

– Еще немножко осталось! Две улицы – и мы дома, – все твердит девочка, как вдруг замолкает и останавливается. Взгляд ее падает на меня, и это похоже на чудо. Не больше секунды черные, как угольки, глаза греют, а потом выплескивают свою боль, и мы становимся одним целым.

...Кажется, что во всем мире нет ничего кроме ветра. Нет ни этой площади, ни того старика, ссыпающего серо-белые осколки в мешок, ни нас самих. Холод, как двусторонний нож, режет на части то тупо, то остро, и хочется плакать, потому что еще хочется есть. И так давно, что сама мысль о еде вызывает тошноту. А дома – остывшая печь, и сперва нужно будет растопить ее и лишь потом из остатков муки испечь пару лепешек. Накормить сначала маму, которая очень больна, и только после немножко поесть самой.

Вдруг если мама станет больше кушать, глаза ее снова откроются?..

– Что там, ребенок? – у женщины оказывается нежный и теплый голос. И девочке хочется, чтобы она говорила подольше. Только вот последнее время та чаще молчит, и при этом будто закрывается на замок все, что только есть доброго в мире.

– Здесь плохо, мам, – лепечет малышка, пытаясь найти меня глазами, но не находя. – Скоро кого-то убьют.

– Опять казнь? – спрашивает слепая и тут же добавляет:

– Не бойся. Если мы не успеем уйти, ты зажмуришься и ничего не увидишь. А звуки... Я тихонечко спою тебе песенку, и ты ничего не услышишь.

Еще несколько минут я наблюдаю за этой парой и, когда они скрываются из виду, забываю о них. Подходит время, и ветер уже не воет – скрипит, как младенец, впервые увидевший свет.

– С именем короля на устах и с надеждой в сердце на справедливость я приветствую вас!

Низенький человек, вдруг оказавшийся выше всех, медленно роняет слово за словом. Мороз усиливается, и фразы, соединившись, превращаются в лед:

– Сейчас здесь должна состояться казнь! Для того вы и пришли сюда в этот морозный вечер – шапка на голове у городского судьи смешно топорщится. – Вы видите этого человека? Он убил двух добропорядочных жителей. Это ужасно, и преступник, конечно, не достоин жить дальше. Но...

Люди на площади напряженно слушают. Недалеко от меня – невысокий мужчина. С такими важными усами, отрастить которые помогают лишь долгие годы благополучия. Они же, эти пресловутые годы, заставили и подбородок господина обзавестись дружным семейством складок, занявшим собой всю шею. Вот стоит он, кутается в полосатый шарф и боится, что зря пришел. Дергается нервно кончик его носа и мечется взгляд по кругу: от эшафота к судье.

– Но... – судья на миг замирает. – Мы же должны быть милосердными к своим ближним. Святой отец, скажите, пожалуйста, несколько слов.

И вот говорит уже толстый человек в рясе, а я не могу его слушать, я не верю своему счастью! Жаль, длится оно недолго.

– Она вытащила мой кошелек! Держите ее! – кричит какая-то женщина.

Кто-то маленький пытается убежать – громкий топот, ругань и крик. Все происходит

так быстро, что я ничего не понимаю и все еще улыбаюсь. До тех пор, пока безумные угольки – глаза той малышки – снова не сливаются с моими и я не распадаюсь на голод, отчаяние и страх:

– Я всего лишь хотела накормить маму!..

Холод и долгая речь. Меня уже нет, и только на задворках сознания слышится монотонный голос: «Согласно закону нашего города, вора́м следует отсека́ть руки невзирая на возраст, пол и социальное положение оных».

– Я всего лишь хотела накормить маму...

Преступник... Нет, не отпущен. Он, однако, уже не на эшафоте, а в окружении нескольких стражников стоит чуть поодаль. До него теперь никому нет дела. Каторгой, на которую ему заменили смертную казнь, ныне мало кого удивишь.

Все взгляды устремлены на ребенка, осмелившегося запустить руку в карман одной знатной особы и теперь пригвожденного к плахе. Секунды тянутся вечность, окрашенную в молчание. Сотни людей замирают, и говорю только я:

– Закрой глаза, девочка, и ты ничего не увидишь – много крови на замерзшей земле, с которой содрали все белое, – шепчу ей, зная, что не услышит. Ведь я всего лишь меч палача.

Пара мгновений, и детская рука сбрасывается в мешок. Человек в полосатом шарфе кутается в усы. Он не зря пришел сюда в этот вечер.

Железо не может плакать, оно служит человечеству против него самого. Слезами была стекающая по мне кровь. Что делать!.. Кто-то ведь должен плакать и растапливать лед.

Кухня

Окно рябое от пятен. Будто солнечный свет разных дней смешался на нем, и из разных поскребышей родилось это неловкое утро.

– Завтра уходишь?..

– Не знаю... А ты?

Он сморщился и качнул головой, казалось, даже раньше, чем услышал. Потом поднял глаза, откуда-то с потолка соскреб взгляд, и серо-зеленые искры застучались в мои зрачки.

– Сейчас. Или уже никогда.

Затертая руками сахарница. Она не прикрыта крышкой, и видны беловатые крупинки. Их много там – сладких и мертвых.

– Что ты молчишь? Понимаешь, мы никогда не уйдем, пока не начнем уходить!

На столе крошки. Тонкая белесая пленка масла на сером огрызке хлеба. Чай слабо-желтого цвета. Пили его большими глотками. Так

пьют микстуру, безвкусную и неприятную уже тем, что напоминает собой о болезни.

– Хватит сидеть! – кричит, а сам застыл, и мечутся только серо-зеленые искры от потолка ко мне.

Хочу сказать, чтобы он хоть двинулся с места, но сама не могу и шелохнуться: нет ни слов, ни желаний. Закрываю глаза и молчу. Прячусь в темноте век.

– Я ухожу... сейчас...

Шепчет под тихий отзвук вечернего чаепития. Крошек на столе уже нет. Скоро погасят свет, все уйдут из кухни, и будет тихо-тихо кругом, так что никто не услышит жужжания: «Когда? Сегодня? Сейчас?..»

Да и не приметит никто двух маленьких мушек, угодивших на скользкую ленту-ловушку.

Содержание

Рассказы о Джо

И бегемоты умеют делать реверансы	3
Про картошку и дядюшку Эйнара	11
Вкус к жизни	19
Ангел для черта	26
Орхидея	35
Юм.....	46
Кружка в цветочек	58
Мишка.....	62
Мечта.....	65
Рыба.....	81
Голубое и зеленое	86
Как падают орехи.....	96
4-й сектор.....	101
Мотыльков надо кормить	111
Кухня	120

**Полина Ивановна Кузаева
Юм**

Рецензент Виталий Молчанов
Редактор Вячеслав Моисеев
Дизайн и верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Рисунок на обложке – Ксения Шипилова

**Издательский центр МВГ
E-mail: wgmoses@mail.ru
Тел. (3532) 55-41-99.**

Подписано в печать 19.09.2016 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «Южный Урал»:
460000, Оренбург, пер. Свободина, 4.
Тел. (3532) 77-04-12.

Тираж 200 экз. Заказ ____.

АВТОРАМ

Издательский центр MBG предлагает начинающим и опытным авторам бесплатную экспертизу рукописей стихов и прозы с профессиональной оценкой на предмет возможности издания отдельной книгой в сериях «Новые имена», «Автограф» или в любом другом формате.

Поможем в поиске спонсоров для издания книг, проведем полную допечатную подготовку рукописи (редактуру, корректуру, иллюстрирование, верстку), согласование оригинал-макета и размещение заказа на печать книги в типографии.

Наши специалисты подготовили и выпустили десятки книг оренбургских писателей (и не только), многие из наших авторов стали лауреатами престижных литературных премий. Грамотно и доброту изданная книга – половина успеха! Остальное зависит от вашего таланта.

Пишите: wgmoses@mail.ru

Звоните: 8-902-365-41-99.

*С уважением,
ваш издатель
Моисеев
Вячеслав
Геннадьевич.*